

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Михаил ФРАНЦУЗ

НА ПОРОГЕ МИРА

На порог какого мира он поставит окружающую его действительность?

Современный фантастический боевик (АСТ)

Михаил Француз

На пороге мира

«АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Француз М.

На пороге мира / М. Француз — «АСТ», 2019 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-112075-7

Во все времена государства тратили огромные финансовые и человеческие ресурсы на создание хладнокровных и безжалостных суперсолдат, однако в основном это были неудачные попытки... Что же будет, если однажды все же получится создать хотя бы одного супербойца? На пороге какого мира мы тогда окажемся?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112075-7

© Француз М., 2019
© АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Кашим	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	33
Заря-1	35
Глава 11	35
Глава 12	40
Глава 13	43
«Черное Солнце»	47
Глава 14	47
Глава 15	49
Глава 16	52
Глава 17	55
Ангел	57
Глава 18	57
Глава 19	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Француз

На пороге мира

© Михаил Француз, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

Зачистка секретного лабораторного комплекса Л-51 происходила силами аж восьми специальных штурмовых подразделений. Упакованные в тяжелую броню, вооруженные штурмовым лазерным оружием, профессионалы все равно гибли, раз за разом напарываясь все на новые и новые плоды экспериментов этой проклятой лаборатории.

Мужчины, женщины, дети, животные, растения – все здесь таило опасность и несло смерть.

Этаж за этажом, сектор за сектором хмурые, озлобленные бойцы, сцепив зубы, вламывались в помещения лаборатории и давили сопротивление взбунтовавшихся и захвативших базу подопытных. Вот только злость и ненависть военных копилась не в адрес этих несчастных, а в адрес яйцеголовых, сотворивших с людьми такое.

Стоило где-то только мелькнуть белому халату, и тут же туда летела плазменная граната, а то и не одна, что бы уж точно, гарантированно произошла «случайная ошибка».

Был зачищен уже практически весь комплекс, а еще ни одного ученого «найти живым не удалось».

Капитан Коршунов, позывной «Коршун», командир СКООН шел во главе тройки на одном из самых нижних уровней комплекса. Еще совсем немного, и проклятая «база ужасов» будет наконец зачищена. Еще немного, еще чуть-чуть...

Но очередной отсек оказался на удивление пуст. Если не считать четырех мертвых яйцеголовых в одной из комнат. Это настораживало и заставляло крепче держать рукояти лучевиков и лазерных винтовок в ожидании подвоха и внезапного нападения. Но секунды шли за секундами, помещение проверялось за помещением, а нападения не происходило.

И лишь в последнем боксе-камере, запертом и бронированном, под прицелом десяти камер сидел на стуле десятилетний мальчик. Он спокойно читал детскую книжку о волшебнике Изумрудного города. Лысый мальчик в сером комбинезоне подопытного с пятизначным номером 11013 на спине. Спокойный и даже умиротворенный.

Коршун подал знак одному из бойцов вскрыть дверь. Тот кивнул и приступил к минированию замка. Несколько отточенных, выверенных движений, и дело сделано. Бойцы разошлись по сторонам от двери. Короткое шипение сработавшего направленного термитно-плазменного заряда, и на месте замка лишь сквозная прожженная дыра. Дверь откидывается, и со стволами наперевес в бокс врывается боевая тройка.

И все замирает.

Мальчик медленно, спокойно встал и положил книжку на стул. Он сделал три шага к бойцам и остановился напротив них, прямо под дулами лучевиков и лазеров.

Он стоял и смотрел. Не нападал. Не угрожал. Не просил. Не кидался в ноги и не молил. Просто стоял и ждал решения: жить или умереть.

И бойцы ждали решения командира. А Коршун все медлил. Секунда шла за секундой, а он все никак не мог заставить себя нажать на курок. Но и опустить оружие тоже не мог так вот просто.

– Медведь Первому: все чисто, сектор зачищен, – пришел доклад по линии связи.

– Дятел Первому: у нас тоже чисто, – последовал еще один.

– Куница Первому: чисто.

– Цыпленок Первому: сектор чист.

– Волк Первому: сектор чист.

– Еж Первому: чисто, – продолжали приходить доклады от командиров подразделений о выполнении поставленных задач.

– Первый Удаву: что у тебя? – запросил командующий операцией предпоследнее подразделение.

– Чисто, Первый. Удав закончил, – пришел ответ от Кости Усова, высокого жилистого капитана, чем-то и правда напоминавшего удава. Его подразделение в этой операции пострадало больше всего: одиннадцать бойцов убиты, пятеро тяжело ранены.

– Первый Коршуну: что у тебя там? – пришел запрос от командующего операцией.

Коршунов медлил.

– Первый Коршуну! Первый Коршуну! Ответь, Коршун, что у тебя?

Капитан медлил.

– Коршун, мать твою за ногу! – начал проявлять беспокойство и нетерпение командующий.

– Коршун Первому: чисто, – вышел на связь капитан и опустил лучевик.

– Первый циркулярно: закончили, сбор на пункте сбора через тридцать минут. Мы свое дело сделали, уходим, господа! – пришел по связи долгожданный сегодня приказ.

– Медведь: принял.

– Дятел: принял.

– Куница: принял.

– Волк: принял, выполняю.

– Цыпленок: принято.

– Еж: принял.

– Удав: есть.

– Коршун: вас понял. Выполняю, – доложил капитан командующему.

– Живи, парень, – со вздохом отключив канал связи, сказал Коршунов мальчику и махнул своей тройке на выход. Затем обернулся и махнул мальчику тоже. Штурм лабораторного комплекса Л-51 закончился.

* * *

– Жестянкин Леонид Васильевич, десять лет, воспитанник детского дома номер четыре Новопитер, планета Терра, – зачитывал вслух с экрана планшета мужчина неопределенного возраста в сером гражданском костюме, сидящий за дорогим письменным столом из натурального дуба.

Напротив него стоял другой мужчина, подходящий под то же самое описание: тот же неопределенный возраст, та же незапоминающаяся внешность, такой же неброский костюм.

– Родители неизвестны. Место рождения не установлено. Воспитателями и учителями характеризуется как очень способный и талантливый мальчик, имеющий успехи в освоении предметов школьной подготовки и отличное физическое развитие. Прямолинейный и целеустремленный. В возрасте восьми лет был отобран для участия в программе «Фобос» и доставлен в лабораторный комплекс Л-51 в группе с еще сорока девятью участниками разного возраста и пола. В программе получил кодовое обозначение «Объект тринадцать». В общем реестре лабораторного комплекса проходит под номером одиннадцать тысяч тринадцать. Программа «Фобос» признана бесперспективной. Единственный выживший участник, объект тринадцать, переведен испытуемым в программу «Мемориал». Программа «Мемориал» также признана неперспективной: сорок три подопытных из пятидесяти погибли, шестеро сошли с ума. Выжил снова только объект тринадцать...

Мужчина за письменным столом сделал паузу и задумчиво потер подбородок.

– А что за программы? Подробности?

– По материалам из лабораторного комплекса, программа «Фобос» – это эксперимент по созданию абсолютно бесстрашного солдата. Подопытным по экспериментальной методике,

при помощи специальных препаратов и процедур, необратимо атрофировали чувство страха. Эксперимент удался, у команды ученых действительно все получилось. Но... – начал отчитываться второй мужчина.

– Но?

– Испытуемые, потеряв чувство страха, в последующем быстро и глупо погибали. Видимо, вместе со страхом был задет и инстинкт самосохранения. Методика весьма недешевая, а результат практически нулевой. Экономически не оправдано. Бесперспективно.

– Но один-то выжил? – заметил мужчина за столом.

– Исключение, только подтверждающее правило, – пожал плечами второй мужчина. – К тому же, по отчетам испытаний, «объект 13» оказался единственным, на ком методика дала сбой. Чувства страха он не потерял. Даже наоборот.

– Методика сохранилась?

– Нет. Все материалы по способу, препаратам и процедурам уничтожены в процессе штурма лабораторного комплекса. Так же, как и сами ученые, принимавшие участие в программе. Суть программ удалось установить по отчетам, присланным ранее руководству. Но отчет это только отчет, – развел руками он.

– Понятно, – побарабанил пальцами по столу первый мужчина. – Что за «Мемориал»? Подробности.

– Программа, направленная на развитие памяти. По экспериментальной методике, также медикаментозно.

– Результаты?

– Бесперспективно. Память у подопытных стала абсолютной. И в течение двух дней после процедуры все испытуемые либо сошли с ума, либо умерли. Как говорится в отчетах, они пережили заново свои самые худшие моменты жизни с бесконечно подробной детализацией. Большинство не перенесло уже процесс рождения. Остальные сломались позже.

– А одиннадцать тысяч тринадцатый?

– Снова забракован. Долго болел, больше двух месяцев после процедуры, но по результатам тестирования память осталась на прежнем уровне. Видимо, какая-то врожденная аномалия.

– Методика осталась?

– Нет. Также уничтожена при штурме.

– Что ж... Выходит, пацан бесполезен?

– Совершенно.

– Безопасен?

– Вполне.

– Ваши предложения по дальнейшей его судьбе? – отложив планшет, сложил на столе руки первый мужчина.

– А что тут думать? Вернуть его обратно в приют и забыть. Других дел выше орбиты.

– Что ж, в этом вы правы, – вздохнул первый мужчина. Затем снова взял планшет и вписал под документом резолюцию: «Вернуть в приют и снять наблюдение», затем заверил электронной подписью со снятием биометрических параметров и отправил на исполнение.

– Забыть так забыть... А теперь вернемся к нашим проблемам, тем, которых выше орбиты. Кто-то еще вообще уцелел в этом штурме? Сколько мы потеряли ученых?..

Кашим

Глава 1

Детский дом номер четыре города Новопитера одной из центральных планет Новой Российской Империи Терры мало чем отличался от сотен других таких же по всей этой самой Империи. Не самое приятное место. Да по-другому быть и не может. Ведь дети, оставшиеся без родителей, не становятся счастливее, послушнее, добродушнее и приятнее в общении.

А государство не может себе позволить тратить на содержание таких детей, малоперспективных, если быть цинично честными, слишком большие деньги. Такие, как, например, оно тратит на содержание и обучение кадетов в училище, что стоит меньше, чем в квартале от детского дома. Естественно: тут сироты и полукриминальный элемент, а там будущие офицеры – костяк и командование, высококвалифицированные кадры для армии. Но это с точки зрения государства.

Дети же видят просто таких же детей, только по другую сторону забора. У тех красивая форменная одежда, роскошные пайки, прекрасные, хоть и казарменные жилищные условия, спортивный инвентарь, досуговые мероприятия, экскурсии и даже свой собственный клуб...

Естественно, такое положение вещей рождает зависть и агрессию, и если кадету встретить детдомовцев где-то на улице, то однозначно быть битому. Но и кадеты не ходят по здешним улицам в одиночку. А бывает, что устраивают и групповые самоволки для «стрелок» и «разборок» с «местными» или «голодранцами». Точно так же, как и сами «голодранцы» устраивают облавы и засады на «красноперых»... Бывает, что и со смертельным исходом, ведь «перо» – непременный спутник шпаны. Но редко. Ведь в таком случае вмешаются взрослые, устроят настоящую облаву с настоящими разборками, следствием и судом. И подобное уже случилось.

Этой ночью на территории кадетского училища проводилась спецоперация детдомовских. Целью был спортивный комплекс. А еще точнее – кладовая спортивного инвентаря.

Группа «голоногих» мальчишек разного возраста из восьми человек, оставив пять фишек по всем возможным подступам к объекту, тихо вскрыла окно и организованно проникла в помещение.

Тактическое руководство группой осуществлял известный и даже авторитетный в определенных кругах Ленька по кличке Отмор. Уверенность в командах и жестах, по-военному четкое распределение ролей внутри группы, несомненные лидерские качества...

Все это создавало атмосферу серьезной боевой операции и ореол военной романтики...

Вообще, с возвращением Леньки из последних «бегов» (а «в бега» хоть раз уходил каждый из воспитанников детского дома; у кого-то они заканчиваются через пару дней, у кого-то через пару месяцев, кто-то вовсе не возвращается, кто-то возвращается сам, кого-то приводит полиция, а вот Ленькины «бега» затянулись на два года, и привели его крепкие мужики, на которых гражданская одежда смотрелась чужеродно и неправильно – им бы куда больше подошла форма или боевая экипировка штурмовика), война кадетских с детдомовскими резко перешла на иной уровень. И чаша весов клонилась все больше и больше в сторону «голоногих». Парень быстро завоевал авторитет кулаками и полной безбашенностью (за что, собственно, и получил прозвище Отморозок, сокращенно Отмор), и случилось так, что попал на группу кадетов, которой и был жестоко бит... И с того момента, как вышел Ленька из «больнички», у «красноперых» началась черная, буквально чернейшая полоса.

Ленька ничего не говорил о том, где и как провел свои «бега», на все вопросы об этом только отмалчивался и хмурился, но где-то он понахватался военных терминов, приемчиков,

словечек, сигналов и тактики. Да еще все свободное время стал посвящать штудированию книг по этой тематике, благо Интернет позволял отыскать почти все, что угодно, а уж разные «наставления» по тактике малых групп, «учебники сержанта» и «учебники младших специалистов» различных родов войск, пособия по партизанской деятельности и организации разведки, план-конспекты «В помощь молодому офицеру», уставы и тому подобное так и вовсе вываливались по первому же запросу.

И под руководством Леньки Отмора детдомовцы успешно все это начали применять против будущих кадровых военных.

Руководство детдома не вмешивалось, как и всегда. Руководство же Кадетского корпуса радостно ввело для своих питомцев новый предмет: «Контрпартизанская война и противодействие малым разведгруппам». Выписало из других училищ и боевых частей соответствующей направленности инструкторов, и будущие офицеры Империи усердно принялись за его изучение, качественно мотивированные жадой реванша и стимулированные крепкими кулаками резко поумневших «местных».

А Ленька перевел «войну» на территорию «врага». Вот уже месяц в корпусе происходили диверсии. Причем все они касались только кадетов и не касались руководства: снимались по ночам дневальные и патрульные, потрошились и портились личные вещи «красноперых» прямо в кубриках казарм, минировались санузелы и клозеты, похищались конспекты и учебники кадетов...

Руководство свирепо сыпало нарядами и наказаниями, но не выносило сор из избы, разборки детей оставив детям. Начальник корпуса вовсе не мог нарадоваться этой ситуации, ведь успеваемость и прилежность учеников достигла недостижимых доселе высот, поскольку ничто так не подстегивает прогресс военного дела, как война! И Ленька Отмор дал мальчишкам эту войну и продолжал вести ее с разгромным счетом: дофига – ноль в пользу детдома. Кадеты, сцепив зубы, учились у присланных инструкторов, но все равно гадские «голоногие» оставались на пять шагов впереди, оставляя им незавидную роль обороняющейся стороны.

И этой ночью группа «местных» после тщательной предварительной разведки вскрыла охраняемый патрулем объект на территории училища.

Операция шла как по нотам: проникновение, наблюдение, вскрытие объекта и вскрытие кладовой... И вот в тот момент, как мальчишки, груженные сетками футбольных мячей, пробрались через спортивный зал к выходу, кто-то из них заметил в темноте человека.

Тот двигался медленно и плавно, словно в каком-то танце. Но в темноте зала, нарушаемой рассеянным светом далеких уличных фонарей через зарешеченные окна, это смотрелось жутко. Иррационально жутко.

А фигура двинулась в сторону ребят. Ужас накрыл мальчишек, и те с криками, побросав сетки, пустились наутек. И только сам Ленька Отмор споткнулся о брошенный мяч и растянулся на полу. Последний из убежавших мальчишек со страху захлопнул за собой окно, тем самым отрезав Леньке путь к бегству.

Ленька быстро перевернулся. Фигура была уже почти совсем рядом. Мальчик перекатом назад принял вертикальное положение и приготовился подороже продать свою если не жизнь, то свободу. Но фигура, почти дойдя до него, повернула на девяносто градусов и двинулась дальше, игнорируя чуть больше, чем полностью готового драться мальчика.

Ленька, прислонившись спиной к стене, медленно сполз на пол. Он облегченно выдохнул, не отпуская взглядом таинственной фигуры.

Напряжение готовности к бою отпустило. Но на смену ему пришло любопытство.

Ленька поднялся со своего места и двинулся потихоньку следом за фигурой.

Это оказался высокий поджарый мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, в спортивном костюме. Он двигался действительно в каком-то опасно-красивом, запредельно-медленном танце, и, казалось, не замечал вообще ничего вокруг.

Снаружи зала училище наполнялось суетой, беготней и криками. Но тут было тихо. И в этой тишине «танцевал» мужчина, за которым неотрывно наблюдал мальчик.

И так продолжалось еще около двадцати минут. Затем мужчина закончил свой «танец» и повернулся к мальчику.

Минуту длилось их взаимное разглядывание.

– А ты почему не убежал? – наконец нарушил тишину мужчина, правильно оценивший раскиданные по полу сетки с мячами.

– Не знаю, – пожал плечами мальчик. – А что это такое было?

– Тебе понравилось? – хитро прищурился мужчина.

– Загораживает, – не стал таиться мальчик.

– Одно из древних боевых искусств, – ответил мужчина.

– Боевых? – удивился мальчик. – Это можно применить в бою?

– Можно, – подтвердил мужчина. – Научиться хочешь?

– Хочу, – упрямо кивнул мальчик, уже представляя, сколько трудностей и боли последует за этим его коротким «хочу». Но отступать он был не намерен. Не тот характер.

– Тогда становись рядом и повторяй, – улыбнулся мужчина.

* * *

Ленька вернулся в детдом под утро. Взрослые еще спали, но воспитанники в полном составе ждали его внизу, в общей комнате, не включая света.

Лица их были хмурыми и злыми. А у полутора десятков еще и носили следы побоев. Ленькино лицо же было чистым, а одежда не порванной, что заставляло ребят хмуриться еще сильнее.

– Ты где был, Отмор? – строго спросил Леха Злой.

В любой общности есть номер первый. И сейчас этим номером первым был, несомненно, Ленька. До этой ночи. Но точно так же в любой общности есть и номер второй. И этим вторым был Леха, который сейчас и задавал вопрос на общей сходке детдома.

Ленька промолчал, еще раз обведя лица внимательным хмурым взглядом. Он знал, что так будет, еще когда думал перед коротким «хочу», сказанным им мужчине в ночном спорт-зале. Знал, но это был осознанный выбор. А еще сейчас все только начиналось, и это он знал также четко.

– Пацаны попали в засаду! «Красноперые» навалились целым училищем! – продолжал Леха Злой.

– Еле ноги унесли, – хмуро добавил Витек Сивый, один из тех, кто был этой ночью вместе с Ленькой в училище.

– А где в это время был ты, Отмор?! – обвинительно указал на Леньку пальцем Злой.

Ленька продолжал упорно молчать. Он топил себя этим, но продолжал молчать. Да, можно было сейчас заговорить зубы сходке и заткнуть пасть Злому, воодушевить, накрутить на операцию-возмездие (а десяток идей и наработок в этом направлении у Леньки уже было заранее подготовлено) и снова стать неоспоримо первым... Можно. Но...

Но Ленька молчал. Топил себя этим, но молчал.

– Трус! – выплюнул Злой.

– Отсиделся в каком-то схроне, пока нас по училищу гоняли! – поддержал его Славка Рябой.

– Завел нас в засаду, сволочь! – послышался выкрик Сивого.

Затем подключились остальные, и в общем шуме отдельных слов было уже не разобрать.

– Трус, – дождавшись тишины, повторил Леха Злой.

Подожел и смачно харкнул прямо в лицо Леньке.

Каких усилий ему стоило сдержаться и не броситься на Злого, не узнает, наверное, никто. Но он сдержался. Не бросился.

А вслед за Злым потянулись ребята, что были на ночной вылазке, потом остальные... И каждый плюнул. Ни один не воздержался...

Дети – самые жестокие и безжалостные существа на свете. Наивно думать, что это не так. Просто взрослые, вырастая, забывают об этом. Подсознательно затирают травмирующие воспоминания, смакуя лишь приятные моменты детства. Но объективно нет коллектива страшнее подросткового, тем более состоящего из сирот и «неблагополучных».

В этот день Ленку не били. Но дорога в первые для него закрылась раз и навсегда.

Глава 2

Жизнь все равно остается жизнью, что бы ни произошло в ней, особенно когда ты идешь на это что-то осознанно. Сознательно делаешь выбор. А Ленька сделал свой выбор, понимая, на что идет, и сбросил с себя ношу лидерства. Да, при этом он упал на самое дно того сообщества, в котором до этого был лидером. Но сильный – не физически, а морально сильный человек – на дне никогда надолго не останется. Не остался и Ленька Отмор. Ведь отморозком его называли не просто так.

День после сходки был днем тяжелым. Ведь «упасть» тоже надо суметь, не свернув себе шею. Все «голоногие» весь день всячески пытались высказывать свое презрение к «трусу»: норовили толкнуть, подставить подножку, опрокинуть вместе с подносом еды, отодвинули его кровать в общей спальне к самым дверям туалета...

К вечеру попытались, наконец, избить. Не удержались все-таки. Их было четверо. Он был один. Но «не большой побеждает, клыками украшенный, а маленький, злой и безбашенный». Все пятеро угодили в больничку почти на неделю.

Досталось ему крепко, но отпор он дал. Дрался до конца, до самого момента, когда прибежали воспитатели и оттащили его от визжащего комка боли, в который он превратил последнего стоящего на ногах из той четверки. Он откусил ему нос и почти вырвал из глазницы глаз. Остальные отделались переломами пальцев, одним сотрясением, гематомами и колотыми ранами (Ленька сорвал со стены картину в раме и расколотил ее о нападавших, а после добивал острым обломком рамы. Последний сумел вцепиться в него и повалить, но Отморозок Ленька поступил с ним так, как уже описано ранее).

После такого, когда Жестянкина выписали из «больнички», трогать его уже не решались. Игнорировали, высказывали всяческое презрение, но прикоснуться к нему боялись, словно к прокаженному. Особенно когда Леха Злой ночью поскользнулся в туалете и разбил лицо об унитаз, да так неудачно, что лишился восьми зубов.

Как его ни расспрашивали, Леха, ставший после этого случая из Злого Щербатым, стоял на своем: поскользнулся, упал, ударился – все! И никакого Леньки Отмора рядом не было. Хоть и стоит его койка ближе всех к туалету.

А когда все десять ребят, что были с ним на «последней операции», в течение месяца перебивали в «больничке», то, как и Щербатый, они твердили одно и то же: это была случайность (с лестницы упал, от машины уворачивался, от собаки убежал, споткнулся, из окна выпал), но Жестянкин никакого отношения к случившемуся не имеет...

Да и фиг бы с ним, этим трусом Жестянкиным! Тут «красноперые» оборзели!

Впитав, словно губки, те знания, что щедро передавали им пришлые инструкторы, кадеты с воодушевлением ринулись возвращать детдомовцам долги. И у них это великолепно получалось, поскольку место тактического командира, опустевшее после «падения» Леньки, занял бывший второй номер Леха. Но, несмотря на лидерские качества и энтузиазм, парень не обладал необходимыми тактическими познаниями. Ведь для того чтобы лопатить подходящую литературу по теме, он не имел достаточной усидчивости (да и желания не имел), а для того чтобы пойти за советом к Леньке, был слишком горд.

Победы, однако, это не поражения. Они не мотивируют к развитию, а потому быстро приедаются, особенно администрации. Начальник училища, видя, что «война» с детдомовцами перешла в разряд избиения и уличных беспорядков, просто посадил всех кадетов «на казарму» на месяц, а после стал сурово карать за драки в городе.

Собственно, так все и вернулось на круги своя.

* * *

– И как там наш Тринадцатый? – поинтересовался мужчина в невзрачном костюме, сидящий за дубовым письменным столом, у невзрачного мужчины, стоящего напротив этого стола.

– Вы же распорядились снять наблюдение? – изобразил удивление тот.

– Наблюдение снять, – согласился он. – Пригляд оставить. Вы ведь до конца читали документ, с должным вниманием?

– Так точно, – вытянулся стоящий напротив стола мужчина.

– Так как там тринадцатый? – повторил свой вопрос мужчина, сидящий за столом.

– Ничего сверхвыдающегося, – начал докладывать второй. – Время, что длилось разбирательство по Л-51, мальчик провел ведь на базе подготовки СКООН (капитан Коршунов взял под свое крыло). Вот и понахватался всякого...

– Чего же? – заинтересовался первый.

– Тактики, теории в основном, практики немного...

– Ладно, это не страшно. Как он в детдоме прижился?

– Прижился... Устроил войнушку с соседним Кадетским училищем и, используя то, чего набрался за месяц в СКООНе, развернул форменный террор кадетам. Настолько, что начальник училища ввел новый предмет и выписал инструкторов из действующих боевых частей и высших военных училищ.

– А говорили, что ничего выдающегося, – ухмыльнулся первый.

– Хватило его запала, правда, ненадолго. Всего на два месяца, – проигнорировал комментарий второй. – Потом сорвалась очередная «операция», и Тринадцатый потерял свой авторитет. Собственно, на этом все и кончилось. Была драка, мальчик попал в больницу. Вышел из нее, и все успокоилось. Учится теперь, втайне от всех к поступлению готовится... в Кадетское училище.

– То самое, с которым «воевал»? – уточнил первый мужчина.

– То самое, имени его светлости князя Александра Федоровича Вертынского Кадетское училище связи.

– Откуда известно?

– Так он уже документы подал через директора детского дома.

– Хорошо учиться? – насторожился мужчина, сидящий за столом.

– Не гений, – пожал плечами второй мужчина. – Но на проходной балл может рассчитывать. На бюджетное место. Возможно, даже на стипендию вытянуть сможет.

– Думаете, последствия «Мемориала»?

– Может быть, конечно, – снова пожал плечами второй мужчина. – Но, судя по данным отборочных тестов, он и до Л-51 был мальчиком умным и способным.

– А как он по личным качествам?

– Лидер. Достаточно харизматичный уже в этом возрасте. Способен вести за собой и взять командование на себя. Одновременно ярок и общителен, но так же очень скрытен и замкнут. Скрупулезен, дотошен, работоспособен. Излишне жесток. Способен творчески подходить к решению задачи. Проявил незаурядные тактические способности, как при разработке «операций» детдомовцев, так и при проведении их «в поле»... Очень перспективен как будущий полевой агент. О лабораторном комплексе и опытах не обмолвился ни разу. Как и о пребывании на базе СКООН.

– Что ж, – задумчиво постучал мужчина ручкой по своему столу. – Поступлению не мешать. Сможет – молодец, возможно, еще полезным членом общества станет. Нет – значит нет. А насчет вербовки и обучения... С этим торопиться не будем. Л-51... неизвестно еще, как аукнется.

– Присмотр оставить?

– Естественно. Но не пристальный. Нечего ресурсы впустую тратить. Просто держите в поле зрения. Почему-то мне кажется, что об этом парне мы еще услышим... Войну, говорите, училищу объявил? – хекнул мужчина, сидящий за столом. – Ладно, отдохнули, а теперь к делу. Что мы имеем по «Черному Солнцу»?..

Глава 3

Было сложно. Очень сложно. Сохранять от всех в тайне подготовку к поступлению в кадетское училище. К «красноперым». К врагам «местных».

Еще труднее было сдавать все экзамены так, чтобы не попасть на глаза «своим». А экзаменов было много. Нетрудных для Леньки, ведь он очень серьезно к ним готовился. Но вся сложность была в том, что сдать их необходимо ровно так, чтобы пройти, получить стипендию, но не засветиться слишком выдающимися способностями.

Трудно. Но Жестянкин справился. Сдал. Прошел. Поступил. И теперь наступало самое-самое трудное: уйти.

То есть настал день, когда больше не скроешь того, что Ленька Отмор кидает «голоногих» и переходит к «красноперым».

Тот факт, что «войны» уже почти полгода нет, что семь месяцев Отмор уже не первый, а презренный «трус», мало что менял. Ведь это же *тот самый* Ленька Отмор, что гонял в хвост и в гриву этих самых «красноперых». Этого ведь никто не забыл. И не простил – ни «красноперые», ни «голоногие», которые мигом записали в предатели и свалили все свои поражения и неудачи на него. Как же! Ведь они же такие крутые, умные и хитрые! Они же не могли проиграть этим лохам в фуражках. Если бы предатель Отмор не сливал все их планы «красноперым»!

Покарать предателя! И покарали.

Ленька медленно спускался с лестницы второго этажа в холл. На плече у него висела сумка с пожитками. Тощенькая такая сумишка...

А внизу стояли уже все «голоногие». Общий сбор. Общая «сходка». Стояли молча. Молча и плотно, перекрывая спинами выход и окна.

Ленька Отмор, не ускоряясь и не замедляя шага, спустился с лестницы и вышел на середину комнаты.

Он молчал. И они молчали.

Минута. Две...

– Предатель! – все же прозвучал выкрик из толпы.

Как спусковой крючок, сработало это слово...

Из «больнички» Жестянкин вышел только через две недели. И оттуда он отправился уже напрямую в училище, не заходя в детдом. Долгов на нем больше не было. За «предательство» он ответил кровью. Не смысл – пятно на нем навсегда останется в памяти детдомовцев, – но ответил. Именно поэтому он не сопротивлялся, когда начали бить. Не выхватил ножа, не стал вцепляться в глотки, глаза и яйца. Не стал.

Возможно, прояви он свой напор и достаточную жестокость, то смог бы шокировать, подавить, опрокинуть, разогнать толпу, благо это было возможно. Да даже прояви он достаточную силу духа, надави взглядом – и ему могли вовсе уступить дорогу без драки... Такое тоже могло быть возможным. Но тогда бы долг на нем остался висеть. И этот долг вернули бы рано или поздно в какой-нибудь подворотне «пером» в бок, ибо сидеть за стеной вечно невозможно.

Поэтому не стал Ленька давить в психической атаке, не стал кидаться в бешеную, безбашенную, дикую, яростную физическую борьбу, хотя и очень хотелось. Очень.

Он дал себя избить, четко группируясь, как однажды показывал Коршунов на базе, так, чтобы атакующая впинковую толпа не покалечила и не убила.

Досталось ему все равно крепко, да и не могло быть иначе, но задачу свою выполнил – быть «местным» и интересным для «местных» перестал.

А по выходу из больницы попал туда, куда изначально и ставил целью себе попасть – в училище. Туда, где он мог теперь спокойно заниматься с дядей Пашей – старым инструктором по физо, живущим при спортзале, – его странными и завораживающими ночными танцами.

Кто-то скажет, что не стоило оно того. Не стоило таких жертв, не стоило таких сложностей, не стоило оно положения первого в стае, которое он легко мог за собой сохранить после того ночного провала, даже наоборот – упрочить. Но...

Но это был его сознательный выбор и его план. Четкий и безупречно претворенный в жизнь, непреклонный и безжалостный, как к себе, так и к другим. Пусть приз и спорный, но это был приз, который он выбрал себе сам, и который он получил собственными усилиями, без посторонней помощи и несмотря ни на что. Многие ли могут похвастаться подобным в одиннадцать лет?

* * *

– Товарищ полковник, кадет Жестянкин по вашему приказанию прибыл! – четко доложил бывший беспризорник, войдя в кабинет начальника училища.

– Проходи, Леонид, – ответил тот из-за стола, поднимая глаза от бумаг. – Ты не против, если я буду тебя так называть?

– Никак нет, товарищ полковник!

– Присаживайся, – указал он на стул перед своим столом. – Разговор у нас будет не совсем официальный. Скорее, даже вовсе неофициальный.

– Я вас внимательно слушаю, – ответил мальчик, садясь на указанное место и поправив воротник (форма была совсем новая, и он еще не успел к ней привыкнуть, что не мешало ему уже сейчас четко соблюдать все правила ее ношения). Руки свои он сложил на коленях, спину продолжал держать ровной и прямой, голову не опускал.

– Ты для меня загадка, Леонид, – чуть недовольно постучал дорогой перьевой ручкой по крышке стола полковник Сомов. – Ребенку из неполной семьи очень сложно попасть в наше училище, собственно, как и вообще в любое заведение, выпускающее командные кадры, как и в любые гвардейские части, даже на рядовые должности. СИБ таких просто не пропускает... В твоём же случае СИБ не имел возражений, хоть и не только о полной, но и вообще о семье говорить вовсе не приходится.

Полковник замолчал в ожидании, внимательно глядя в лицо своего нового воспитанника, еще носящее желтые следы не до конца сошедших синяков (били его в детдоме с душой, со старанием и усердием). Но кадет молчал, не меняя осанки и выражения вежливого внимания на этом самом лице. Страха или волнения он не выказывал.

– Ладно, СИБ это СИБ. Все их планы и резоны нам с тобой никогда не понять. Меня гораздо больше интересует другой вопрос... – Сомов снова сделал паузу. – Ведь кадет Жестянкин Леонид Васильевич – это тот самый Ленька Отмор, что меньше полугода назад командовал, именно командовал, а не руководил организованной по всем правилам войной, не побоюсь этого слова, против нашего училища. Причем делал это грамотно, эффективно и последовательно. Откуда такие познания?

– Из Интернета, – ответил Жестянкин, не меняя положения тела и выражения лица.

– Из Интернета? – неподдельно удивился Сомов. – Что-то я не припомню такого онлайн-курса. Объяснишь?

– Отдельного курса там нет, но в свободном доступе лежат различные наставления, учебники, пособия, уставы, готовые планы-конспекты занятий для молодых офицеров. Разнообразные статьи, воспоминания и мемуары участников боевых действий...

– То есть, ты хочешь сказать, что перелопатил это все самостоятельно, без учителя, и применил на практике только ради... А чего ради? Из-за чего вообще ты развязал эту «войну»?

– Я встретил компанию кадетов-третьекурсников на улице. Недостаточно быстро, по их мнению, уступил дорогу. Меня оскорбили. Избили. Собственно, вся причина.

– Избили? – нахмурился Сомов. – Из-за пары затрещин устроить такое?

– «Война» уже была. Я не начинал ее. Просто воспользовался.

– Ты не просто воспользовался, ты возглавил ее!

Мальчик только пожал плечами. Ему нечего было на это сказать. Сомов тоже помолчал, внимательно разглядывая собеседника.

– Что ж, оставим это как есть. В конце концов, история знает и не такие примеры: тот же Гайдар в шестнадцать полком командовал. Меня больше волнует другое: ты развязал войну против училища, но вот я вижу тебя перед собой в форме «красноперых», которых ты так ненавидел. Как ты это мне объяснишь? Учти, предателей никто не любит. И они никому не нужны.

– Повторюсь: я не развязывал «войну», я воспользовался ситуацией для личной мести. Те шестеро, что нанесли мне обиду... В результате моих действий они все вылетели из училища. Мсть свершилась. Остальное было лишь информационным прикрытием.

– Пусть так, – принял ответ Сомов. – Но ты повел людей за собой, взяв на себя командование, ты взвалил на свои плечи ответственность за них. А потом бросил их.

– Меня свергли. Общей сходкой свергли и заклеили трусом после первой же провалившейся операции...

– Настоящего командира нельзя свергнуть! Если свергли – значит, ты не командир, а дерьмо собачье. Либо предатель, который всех бросил!

Мальчик не менял положения тела. Не менял выражения лица. Но на щеках его ненадолго вздулись желваки. Затем пропали.

– Ты не нравишься мне, крысеныш детдомовский! Я не стану оспаривать твое поступление, хрен с тобой – учись, раз пролез, пусть. Но следить я за тобой буду очень пристально! И не дай бог... Вон отсюда! – закончил свою речь Сомов.

Жестянкин встал, вытянулся по стойке «смирно», выполнил воинское приветствие, четко развернулся и покинул кабинет, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава 4

– ...Таким образом, «Черное Солнце» набирает вес в нашем регионе. Уже пять мелких терактов, предотвращенных силовиками, можно однозначно приписать этой организации. Считаю переброс в Новопитер дополнительного спецподразделения целесообразным, – закончил свой доклад мужчина, стоящий перед дубовым столом.

– Что ж, – побарабанил пальцами по столешнице мужчина, сидящий за этим столом. – Санкционирую, перебросьте СКООН. Они как раз полностью восстановили свой штат после потерь штурма Л-51. Продумайте место дислокации.

– Слушаюсь, – кивнул мужчина, стоящий напротив стола.

– Кстати, про Л-51. Вы упоминали, что есть новости?

– Да, – кивнул тот. – Как вы, несомненно, помните, разбор и восстановление данных с различных поврежденных носителей, оставшихся после штурма лаборатории, продолжается по сей день. Так вот, наши спецы выдали очередной кусок остатков пирога. Соответствующие файлы вам уже должны были прислать.

– Должны, значит прислали, – спокойно сказал мужчина, сидящий за столом. – Вы мне коротенько перескажите сейчас, подробно я буду изучать позже. Если там есть что изучать, конечно. Они подобными «кусочками остатков», как вы выразились, практически каждый месяц «радуют».

– Этот раз не исключение. С единственным отличием: в одном из отчетов фигурирует Тринадцатый.

– Да? Что-то интересное?

– Только факт, что он участвовал не в двух проектах, а в трех. По времени между «Фобосом» и «Мемориалом», объект тринадцать был задействован еще в программе под названием «Хипнос». И как обычно...

– Единственный выживший подопытный, – с усмешкой предположил мужчина, сидевший за столом.

Второй кивком подтвердил.

– Вообще единственный выживший участник проекта, считая и разработчиков. Программа была закрыта после несчастного случая. Взрыв оборудования и дальнейший пожар. Автоматические системы пожаротушения не справились, произошел выброс токсичных газов и реагентов. ЧП затронуло целый сектор. Переборки в соответствии с инструкцией 1401/1 были герметично задраены и заблокированы. Результаты программы, все данные по экспериментам, методикам и материалам уничтожены пожаром и последующей его ликвидацией. Все, кто там был, а это двадцать девять подопытных, пятнадцать участников и пятьдесят человек охраны, погибли в течение десяти минут. Кроме объекта тринадцать. Он в момент происшествия находился в карцере. И пробыл там без еды и воды трое суток, прежде чем его обнаружили.

– Нехило! – присвистнул первый мужчина. – В девять лет?

Второй утвердительно кивнул.

– А за что угодил в карцер?

– Четыре побега и нападение на охранника.

– Серьезное нападение? – уточнил первый мужчина.

– Проломил череп и сломал пять пальцев: два на левой руке и три на правой.

– Seriously! Минимум на полгода нетрудоспособность... Погодите, получается, мальчик этим нападением парню жизнь спас?

– Получается, что так, – задумался второй.

– Пробежите этого охранника. Может, он тогда и штурм пересидел в больнице? Появится живой свидетель.

- Сделаем, – пометил себе в планшете второй мужчина.
- А что вообще за программа? В чем суть этого «Хипноса»?
- Смогли раскопать только в общих чертах. Конкретики никакой – все уничтожено, а программа закрыта.
- Выкладывайте, что есть.
- Программа «Хипнос» – очередная попытка воплотить в реальность много раз использованную в фантастических боевиках идею. В данном случае экспериментаторы рассчитывали научиться закачивать знания, информацию и даже навыки напрямую в мозг реципиента во время специального сна, вызванного химическими препаратами. Как-то так.
- И как результаты? Получилось у них? – заинтересовался первый мужчина.
- Неизвестно: сектор уничтожен пожаром, все, кто над ним работал, мертвы, проект закрыт. Единственное, что есть, это результат обследования Тринадцатого после ЧП.
- И что там?
- Ничего особенно выдающегося, кроме сильного истощения, крайнего обезвоживания, на полградуса пониженной температуры и серьезных нарушений сна.
- Нарушения сна?
- Хроническая бессонница. Причем не помогают даже самые сильнодействующие препараты. Не берут даже транквилизаторы.
- Вообще не спит?
- Нет, спит, конечно. Но не каждую ночь.
- Да? И как часто? – заинтересовался первый мужчина.
- Судя по отчетам, где-то раз в две-три недели.
- Как он там, кстати?
- Поступил. Учится, – пожал плечами второй. – И учится хорошо. Один из лучших на курсе. В черном списке у начальника училища. В увольнении пока не ходил, так что с бывшими однокашниками не пересекался. Собственно, всё.
- Всё? А эта его бессонница?
- Ни один наблюдатель не отмечает за ним ничего подобного.
- Прошло или притворяется?
- Скорее всего, второе. В отчете упоминалось, что это «необратимые изменения организма, вызванные многократным применением экспериментального препарата для введения в состояние искусственного сна». А необратимо – значит необратимо.
- Вот, значит, как... – побарабанил пальцами по столу первый мужчина, затем просветлил лицом. – А знаете что? Давайте расшевелим этого притворяшу! Совместим, так сказать, приятное с полезным. Размещайте СКООН в его Кадетском училище. Пусть разворачивают там постоянную базу. Место там есть. А пареньку будет чем по ночам заняться!
- Слушаюсь, – кивнул второй мужчина и пометил что-то в своем планшете.

Глава 5

– ...таким образом, в результате этой операции СКООН по освобождению заложников обезврежено тридцать восемь боевиков, четверых взяли живыми, остальные уничтожены в ходе штурма. Двадцать четыре заложника освобождено, из них с ранениями и травмами различной степени тяжести пятеро. Трех спасти не удалось – были убиты еще до штурма, – рапортовал, сверяясь с планшетом, невзрачный мужчина, стоя напротив дубового письменного стола.

– Вот как... – хмурился другой столь же невзрачный мужчина, барабанил по этому столу пальцами. – Проворонили! Под собственным носом проворонили! Дожили! Райотдел полиции террористами захвачен! Я еще понимаю – больница, понимаю – школа, институт какой-нибудь, мэрия, наконец! Но полиция!!! Ни в какие ворота не лезет! Всех работников захваченного отдела, независимо от того, где они были на момент захвата, на переподготовку с последующей переаттестацией! Не сдавших – вон из органов! С волчьим билетом!

– Слушаюсь, – кивнул мужчина, стоящий напротив стола, делая пометку в своем планшете.

– Есть еще что добавить? – уже спокойнее спросил мужчина, сидящий за столом.

– Мелочь, – пожал плечами второй мужчина.

– Что за мелочь?

– В операции, в составе СКООН, принимал участие объект тринадцать, – доложил мужчина, стоящий перед столом.

– Тринадцатый? – удивился первый мужчина. Морщины на его лбу разгладились. Он убрал руки со стола и откинулся на спинку своего кресла, готовясь слушать. – Рассказывайте.

– По вашему указанию, три месяца назад в Кадетское училище, в котором проходит обучение объект тринадцать, был переведен Серпуховский контртеррористический отряд особого назначения Службы имперской безопасности, чтобы «расшевелить притворюшку». Цель была достигнута: «притворюшка» «расшевелился». Наше предположение подтвердилось: нарушения сна у объекта тринадцать никуда не делись. Просто он научился их качественно скрывать.

– На операцию-то он как попал?

– Все прошедшее с момента перевода подразделения время объект тринадцать тренировался вместе с основным штурмовым составом СКООН. С «ветеранами».

– А как же распорядок дня училища? Кадетский корпус – это не детдом, там с этим строго, не забалуешь.

– Сперва только по вечерам, после занятий, в личное время. Затем Коршунов организовал ему индивидуальную подготовку на тренажерах в ночное время. Потом начал проводить совместные ночные тренировки ветеранов с мальчишкой. Насколько я понял, их заело, что какой-то шкет показывает результаты лучше, чем у них. Постепенно в глазах СКООНовцев объект тринадцать стал «своим». А тут и Коршунов снова подсуетился, и теперь у пареньки официальные занятия «индивидуальной подготовкой» по четыре часа в дневное время, каждый день. Те предметы, что он из-за этого пропускает – сдает экстерном. Ну и ночь, естественно...

– Предсказуемо, – отметил мужчина в кресле. – Примерно такого результата мы и ожидали, перекидывая отряд именно туда. Но как он на боевую операцию попал?

– Сигнал пришел внезапно, – пожал плечами мужчина, стоящий напротив стола. – Трое бойцов СКООН были не боеспособны, находясь в госпитале. Решать надо было быстро: Коршунов принял решение привлечь объект тринадцать вместо хотя бы одного из отсутствующих парней.

– Что ж, – вздохнул мужчина в кресле, – моральная сторона дела – это не по нашей части. Если Коршун решился дать ребенку в руки оружие и отправить его в бой, то останется это на его совести... Как проявил себя в деле Тринадцатый?

– Положительно. Действовал четко, команды выполнял точно, вперед не лез, в герои не рвался, товарищей прикрывал.

– Убитые на его счету есть?

– Пятеро. Прямой огневой контакт. Умудрился отреагировать первым, чем спас двоих бойцов своей тройки. Четыре секунды: пять выстрелов – пять целей. Напавал.

– Неплохо-неплохо, – постучал пальцами по подлокотнику мужчина. – Значит, так – награждать не будем. Лишнее это. Оформить объект тринадцать как нештатного сотрудника СИБ. Выплатить положенные оклад и боевые по должности бойца, место которого он занял на операции. Продолжение обучения санкционирую. Но через начальника училища не проводить. Оформить легенду-прикрытие: конкурс, там какой-нибудь, участие, поездки, гонорары, сертификаты, официальные письма в училище, грамоты, кубки... Ну, не мне вас учить. Привлекать Тринадцатого к боевым операциям СКООН разрешаю. С соответствующей оплатой.

– Начинаем вербовку?

– Нет, – покачал головой мужчина в кресле. – Только подготавливаем почву и материал. Хочет мальчик учиться – пусть учится. Боец уровня штурмовика-ветерана с внешностью мальчика-зайчика, готовый участвовать в наших операциях, уже окупает затраты на его обучение. Но всерьез вербовать, пока не разберемся как следует с тем, что же заложили в пацана в этой трижды проклятой Л-51... Понаблюдаем пока. Пусть все идет как идет. Но предусмотрите возможность повышения сложности подготовки в дальнейшем. Как для него, так и для всего СКООН. Есть мысль... И это не моя мысль, – многозначительно посмотрел на собеседника мужчина в кресле, – создать некое небольшое, универсальное, мобильное, сверхбоеспособное подразделение для выполнения особо сложных задач в любой обстановке. Повторяю – в любой. Глупость, конечно, но не нам решать. Ничего еще не точно, но вариант со СКООНом пока один из основных.

– Принял, – кивнул мужчина, стоящий напротив стола, делая пометки в своем планшете.

– Что с выжившим охранником из «Хипноса»?

– Нашли. Действительно, во время штурма лежал в госпитале. Сейчас он переведен на охрану Новотверского института энергетики на планете Урал-3.

– Что ж, отправьте аккуратного оперативника к нему. Пусть побеседует, расспросит. Вежливо и без нажима. Понятно, что охранник знает о проекте чуть больше, чем ничего. Но меня в первую очередь интересуют личные впечатления как о происходившем вообще, так и о Тринадцатом в частности.

– Сделаем, – кивнул второй мужчина, ставя очередную пометку.

– Вижу, вопросы есть?

– Да, есть. Не жирновато ли будет мальчишке?

– В каком смысле?

– Он подменял не рядового бойца, а командира дюжины. Старшего лейтенанта элитного подразделения. Даже всего одна боевая операция по его должности – очень немаленькая сумма. Простому рабочему на заводе за такую три месяца работать надо. Не наделает малец глупостей?

– Справился?

– Справился.

– Значит, заработал. А глупости... Вот и наблюдаем, каких глупостей от него стоит ждать. Стоит ли вообще с ним работать...

– Звание присваивать?

– Нет. Нештатный гражданский специалист. Точка.

– Вопросов больше нет. Разрешите исполнять?

– Исполняйте.

Глава 6

Леня смотрел на врученные ему капитаном Коршуновым деньги в своих руках. Много денег. Целых семь сотен полновесных рублей. При зарплате рабочего на заводе в двести и стоимости буханки хлеба в пять копеек это действительно очень большие деньги. Флаер, конечно, не купишь (нормальный флаер, какую-нибудь бэушную жестянку – легко), а вот легкий спидер, не из самых дорогих, вполне можно потянуть.

Леня таких денег в жизни не видел, не то что в руках держать. До этого дня. А тут – на тебе, «получите, распишитесь». Получил. Расписался.

А потом подошел еще некий «серый» человек. Представился Петровым Петром Петровичем из Службы имперской безопасности. Сразу же взял подписку о неразглашении. Объяснил, что ни в какой «операции» Леонид не участвовал, со СКООНом не ездил, а было все совсем-совсем по-другому. Всего-навсего поездка на музыкальный конкурс исполнителей-скрипачей в Нерезиновске, где он, Леонид Васильевич Жестянкин, занял почетное седьмое место. Специальный костюм, грамоты, скрипка, сувениры для однокашников, счета из гостиниц и проездные документы прилагаются.

От таких новостей Леня слегка подзавис. Скрипка и то, чем он занимался в компании с коршуновскими парнями, в его голове как-то совсем не складывались. Тут же, пока Жестянкин осмысливал происходящее, Петров Петр Петрович заполнил с Ленкиных слов форму на допуск к секретным сведениям. дождался электронного подтверждения. Затем начал объяснять. Точнее, ставить в известность, что он, Жестянкин Леонид Васильевич, теперь является штатным гражданским специалистом, которого, с его согласия, могут отныне привлекать к силовым операциям СИБ в составе СКООН. Позывной «Кашим». И оплату будет получать в полном объеме по той штатной должности, на которой будет привлечен к работе.

А еще намекнул, что, возможно, не только в составе СКООН, если только он будет готов к этому. Еще добавил, что оформляться все это будет как участие в подобных этому конкурсах, а оплата оформляться как призовые деньги.

«Серый» человек ушел, а деньги в руках остались. И Леонид смотрел на них, соображая, как же теперь быть и на что их потратить. Ведь деньги же надо тратить? Или не надо?

Неделя пролетела быстро. Однокашники хоть и удивились музыкальным талантам мальчика, но темой тем это не стало. Посудачили немного, да и успокоились. Сам же он стал выделять по паре часов в ночь на занятия в тренажерном зале подготовки СКООНа с выданной ему скрипкой. Даже что-то получаться стало. Не на седьмое место в региональном конкурсе, конечно, но удовольствие от процесса мальчик получать начал. А большего ему и не требовалось.

Неделя пролетела быстро. Пришли выходные, а с ними увольнение в город. И деньги в кармане. Куда пойти? На что потратить? У ближайшего лотка купил себе самое дорогое мороженое. Две штуки. И ушло всего шесть рублей. Из семисот. Печаль-беда. Съел их, и больше не хочется. Совсем. Вообще о еде не думается.

Сходил в кино на рубль. Помотался в парке на аттракционах рублей на шестнадцать, пока не надоело. В конце увала зашел в магазин электроники и купил себе самый дорогой ноутбук, какой у них был в наличии. Вышло пятьсот семьдесят рублей. Собственно, на этом день и закончился. Остальные деньги Ленка положил в свой шкафчик в раздевалке тренажерного зала СКООН.

А меньше чем через неделю Петров Петр Петрович позвонил и предложил поучаствовать в «новом престижном конкурсе исполнителей». Леонид думал недолго, прежде чем дать согласие. А через пару недель еще один «новый конкурс»...

* * *

– Что там наш Тринадцатый? – спросил мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

– «Кашим»? – уточнил второй мужчина, стоящий с планшетом напротив стола.

– Это его новый позывной?

– Да. Придуман исполнителем в ходе оформления документов.

– Что ж, «Кашим» так «Кашим». Как он? Не вскружили голову деньги? – повторил вопрос первый мужчина.

– Как сказать, – пожал плечами второй. – На первую «зарплату» купил хороший ноутбук. Вторую, третью и четвертую пока еще не тратил. Мелкие траты на конфеты-пряники я не считаю.

– Хм... – задумался первый мужчина. – Копит на что-то?

– Возможно.

– И большие были «зарплаты»?

– Первая: семьсот, вторая – восемьсот пятьдесят, третья и четвертая – тысяча восемьсот семьдесят и тысяча девятьсот восемьдесят рублей соответственно.

– А что так?

– Операции проводились за границей Империи. Вторая на планете Альянса, третья и четвертая – в странах третьего мира. Длились они по четыре и пять дней соответственно. Так что «боевые» плюс «загранка», плюс «секретка», плюс посуточные – вот и набежали такие суммы. А применялся он все так же на должности командира дюжины штурмовиков.

– И как себя показал «Кашим» в деле?

– Все так же безупречно. Четко и эффективно. Хоть и излишне жестко, но формально все его действия оправданы условиями поставленной задачи.

– Жестко?

– Его дюжина живых не оставляла никого, полностью зачищая периметр. Он лично добивал раненных бойцами. Сам же стрелял только наповал. Один выстрел – один труп.

– Гражданские?

– Гражданских на объекте не было. Его дюжина во всех трех случаях выполняла задачу поддержки, прикрытия и организации отхода основной группы. Дополнительно еще и зачистку объекта: уничтожены не только свидетели, но и вся следяще-записывающая аппаратура.

– Все четко, как в учебниках: ни следов, ни свидетелей, – задумчиво хмыкнул первый. – Трафик его анализируется?

– Так точно.

– И что там? Соцсети?

– Нет. Учебники и методички, учебные планы и теория всего подряд, что относится к боевке: взрывное дело, тактика малых групп, огневая подготовка, оружие, основы и правила стрельбы, и так далее и тому подобное, все перечислять долго.

– И это все есть в открытом доступе? – приподнял бровь первый.

– Сам удивляюсь, – развел руками второй, – как он это все выкапывает, но факт. К тому же не забывайте, что он учится в Кадетском училище – их библиотека тоже в его распоряжении. Также ему был оформлен допуск к секретным сведениям, которым он тоже научился пользоваться по всем правилам и процедурам. Ничего серьезного, но опять же учебники и методички.

– Деятельный парень. Может, «Мемориал» все же сработал?

– Не исключено. Трафик у него очень большой.

– Что еще?

– Программирование и защита информации. Лопатит с тем же размахом.

– Защита информации?

– Да. А еще онлайн-уроки игры на скрипке.

– Скрипка-то тут при чем? – удивился первый мужчина, тот, что сидел за дубовым письменным столом.

– Информационный отдел оформил ему прикрытием первой и последующих операций конкурсы исполнителей-скрипачей, – пояснил второй.

– Дотошный, – хмыкнул первый.

– Будут распоряжения на его счет?

– Будут. Добавьте ему в нагрузку по линии СКООНа настоящий базовый и возможно продвинутый курс взлома и защиты информации. Конкретный СИБовский. Пусть учится. Посмотрим, насколько его хватит. А будущему агенту не мешает.

– Слушаюсь, – сделал пометку в планшете второй.

– Теперь по СКООНу... – Мысль окончательно оформилась в приказ. – На их базе формируется группа «Скунс» штатной численностью в двенадцать человек. Отбор в нее по жесточайшему конкурсу из всех СИБовских подразделений. Участники не старше двадцати трех, с боевым опытом. Формирование начать немедленно. Упор в отборе делать на здоровье, выносливость, интеллект и обучаемость. «Быки» и «тупые штурмовые шкафы» не нужны. Учебная программа уже разработана, инструкторы отобраны. Я скинул ее на ваш планшет. Учебно-материальная база, оружие и оборудование будут доставлены в Новопитер через две недели. Программа курируется с самого верха, так что обязаны успеть. Иначе со своими креслами можем распрощаться на раз-два. Все понятно?

– Разрешите исполнять?

– Разрешаю. Приступайте...

Глава 7

– Конкурс проведен, группа набрана и переброшена в распоряжение СКООН в Кадетское училище Новопитера. Инструкторы прибыли и размещены. Оборудование, присланное из Москвы, установлено. Занятия начались со вчерашнего дня, – рапортовал невзрачный мужчина в невзрачном костюме с планшетом в руках. – Проект-группа «Скунс» запущена. Можем смело докладывать наверх.

– Наконец-то, – хмуро ответил такой же невзрачный мужчина, сидящий за дубовым письменным столом. – Сроки превышены в полтора раза. Мне уже всю плешь проели запросами. А сегодня утром уже непрозрачно намекнули, что пора забирать вещи из кабинета.

– Вы же прекрасно знаете, что причины были более чем объективны...

– Их это не волнует.

– Понимаю... Но сейчас можно расслабиться.

– Расслабляться нельзя даже в собственной постели, с собственной женой за бронированной дверью! – жестко сказал мужчина, что сидел за дубовым письменным столом.

Второй вытянулся и замолчал. Первый поднял трубку стилизованного под старину телефонного аппарата, стоящего на столе, соединенного прямой шифрованной проводной линией со станцией дальней космической спецсвязи. В столе открылся маленький прямоугольный экранчик, повернутый в сторону сидящего за этим столом мужчины. Второй мужчина, вытянувшийся напротив стола по стойке «смирно», происходящего на экране видеть не мог, но не мог и иметь уверенности, что его самого «на том конце» не видят. Камер ведь может быть и больше, чем одна.

– Полковник Васин... Разрешите доложить... Да, программа «Скунс»... Так точно, запущена... Сегодня, в полном объеме... Так точно... Я, товарищ генерал... Слушаюсь, товарищ генерал... Будет выполнено, товарищ генерал... Я понял, товарищ генерал... Долбоебы, так точно, товарищ генерал... Так точно, товарищ генерал... Нет вопросов, товарищ генерал... Разрешите выполнять, товарищ генерал... Есть!

Мужчина положил трубку, экранчик опустился, снова сровнявшись с поверхностью столешницы, сбоку на чернильнице мигнула лампочка, сообщая, что на станции связи передача сигнала окончена (в базовой комплектации пульта связи этой лампочки предусмотрено не было, она появилась тут только по личному распоряжению хозяина кабинета и была его маленькой гордостью, поскольку прежний хозяин перестал быть таковым как раз, однажды попавшись на «эффект страуса» – мол, ты не видишь, значит тебя не видят, – и наговорив лишнего после исчезновения экранчика).

Мужчина достал платочек и отер пот со лба.

– Ладно, с делом пока все. Как там «Кашим»?

– Делает успехи. Шесть операций на счету. Опять безупречен, эффективен и крайне жесток. СКООНовцы «Ваншотом» прозвали за эту жесткую эффективность. Побаиваются его... Слишком легко убивает. Вообще без эмоций и колебаний нажимает на курок. Что в бою, что после боя. Осторожен также до крайности: действует только наверняка, не рискует даже тогда, когда его к этому подталкивают. Но при этом действует с крайней дерзостью. Вообще – человек крайностей. Как командир дюжины, еще ни разу не потерял ни одного бойца.

– Учеба как? Выдерживает темп?

– Вполне. Даже к «Скунсам» прибил в первый же день начала программы. Там неразбериха была со списками, так что инструкторы не прогнали...

– Тринадцатым опять стал, значит, – задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику первый мужчина. – Судьба, что ли, у него такая?

– Дать указание инструкторам?

– Нет. Пусть остается как есть. Официально в списки «Скунсов» не вносить, но препятствий в учебе не создавать. Пусть попытается потянуть все сразу, раз уж замахнулся. Не сможет – его неудача. Сможет – его победа. А собственный, неподотчетный Центру «Скунс» нам пригодится. Главное, чтобы он таковым неподотчетным и оставался. Я понятно выражаюсь?

– Понятно, – ответил второй мужчина, делая пометку в своем планшете.

– Нештатный гражданский специалист «Кашим» по бумагам к программе «Скунс» отношения иметь не должен! И ни одна проверка, ни один отчет чтоб... Ну, вы меня поняли.

– Так точно, вас понял, – кивнул второй мужчина.

– Деньги так и не потратил он? – сбавив обороты, поинтересовался первый мужчина.

– Точно так – до сих пор только мелкие траты. Еще немного, и ему уже на квартиру в центре хватать будет. Но... – развел руками второй мужчина. – Кстати, есть вопрос, требующий вашей санкции.

– Слушаю, – разрешающе кивнул первый мужчина.

– Я предлагаю использовать «Кашима» для решения проблемы с Ковером. В Альянсе. Официально ведь он в нашей конторе не числится...

– Соло, значит? – хмыкнул первый мужчина. – Да еще и на устранение... А потянет малыш-то?

– Более чем. Говорю же: нажимает на курок без раздумий и сожалений. В Альянсе уже бывал, язык на бытовом и базовом уровне освоил (преподаватель говорит, что лучший на курсе). Должен справиться. Задача как раз под него: тихо, дерзко, без следов и свидетелей.

– Что ж, разрешаю. Но из наших баз должно исчезнуть все о том, кто такой «Кашим»: оставьте только позывной и ссылки на операции, в которых участвовал. Официальные операции. Ни фотографий, ни биографии, ни характеристик, ни особых примет – ничего остаться не должно. Ни в Сети, ни в архивах. Все расчеты с ним по-прежнему исключительно наличными. Обеспечение прикрытия перевести на режим «Альфа». СКООНовцы его СИБовский позывной знают?

– Нет. Он у них на «Малька» откликается.

– Вот пусть и дальше не знают. Отныне о том, что объект тринадцать из Л-51, детдомовец Жестянкин Леонид Васильевич, он же кадет Жестянкин, и «Кашим» – один и тот же человек, должны знать только мы двое. По документам объект тринадцать умер год назад от последствий многочисленных экспериментов, проведенных над ним в Л-51. Коршунова и тех двоих, что с ним в тройке были на штурме, с повышениями раскидать по другим подразделениям. Денежные расчеты с «Кашимом» производить будете лично. Ковер – это серьезно. А уж если справится...

– Значит, вербовка отпадает?

– Да. Агентов много. Специалисты по улаживанию деликатных проблем гораздо ценнее. Для них всегда много работы.

– А как же СКООН?

– Второй слой прикрытия. Пусть продолжает как есть. Для него самого ничего не должно меняться. Просто время от времени будет выполнять задания соло, за двойную оплату.

– И «Скунс»?

– Все в силе. Только учиться с ними будет не «Кашим», а, случайно забредший кадет Жестянкин, позывной «Малек», талантливый мальчишка, трущийся возле СКООНа.

– Легенда в легенде... Будет исполнено, – сказал второй мужчина, делая пометки у себя в планшете.

– Вот и определились с тобой, Тринадцатый, – задумчиво проговорил первый мужчина. – Ладно, теперь к делу. О Ковере надеюсь прочитать некролог к концу следующей недели, а пока – что у нас по «Черному Солнцу»? Смогли выяснить источник их финансирования?

Глава 8

– Я не знаю, как он это сделал, – развел руками мужчина, стоящий перед дубовым письменным столом с планшетом в одной из рук, которые он развел в своем извиняющемся жесте. – Просто сделал, и все тут. Отчет писать я его заставлять не стал – не тот случай, а просто так он лишь пожимает плечами.

– Но прямо посреди заседания Совета ООН Виктор Ковер вышел в туалет и застрелился там из собственного официально зарегистрированного пистолета, который он и проносить-то в здание не имел права! Ни свидетелей, ни следов... Чисто! Как так? Судя по вашей характеристике Кашима, он должен был влезть в охраняемый особняк, перебить охрану и ликвидировать Ковера, не оставив там никого живого. Но это... Выше моего понимания. Эффективность на грани фантастики! Это точно он? Не мог Ковер действительно сам застрелиться? – экспрессивно задал вопрос мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

От переполняющих его эмоций он даже не смог остаться на месте и встал. Вышел из-за стола и начал прохаживаться по комнате.

– Не мог, – вздохнул мужчина, продолжающий стоять перед письменным столом. – Кашим показал на своем коммуникаторе селфи с телом только что прострелившего себе башку Ковера. Там еще даже рана на подбородке дымила.

– Ожидал вопросов? Заранее готовил доказательства? – остановился нервно прохаживающийся мужчина и посмотрел на собеседника. – А он случайно ваш разговор с выдачей задания на тот же коммуникатор не записал?

– Нет, – уверенно ответил тот. – Наши специалисты прошерстили все его гаджеты и ноутбук. Найти смогли только следы удаления этого селфи (удалил он его при мне, как только показал, без просьб и напоминаний). Так что не думаю, что с этой стороны он может нам чем-то угрожать.

– Хорошо... Хотя бы это хорошо...

– Задание выполнено, проблема решена. Не понимаю вашего беспокойства, – решил уточнить мужчина, стоящий с планшетом.

– Действительно, проблема решена. Меня пугает, КАК она была решена. Это же не просто какая-то забежаловка или подворотня, это ЗДАНИЕ ООН, черт бы его побрал! Там охраны, камер, жучков, датчиков, сигналок... Там же меры безопасности на самом высшем уровне! Досмотр чуть не на каждой двери в комнату. Мышь не проскочит! Там главы государств, между прочим, в тот день присутствовали! Там сам император был! И это в десять лет!

– Ему одиннадцать.

– Пусть одиннадцать, черт с ним. Что будет в двадцать?

– Не могу сказать.

– Ладно, – вздохнул успокоившийся наконец мужчина, возвращаясь к себе за стол и закуривая. – Правда ваша: задание выполнено, проблема решена. Эффективно и, безусловно, удачно. Но чтоб об этом ни одна собака не узнала! Напоминаю – там присутствовал лично император. И с нас голову снимут за такую самостоятельность, если просочится информация, что рядом с Его Императорским Величеством, в непосредственной близости, работал ликвидатор нашей службы. В СОИ сидят параноики – тут же угрозу монарху найдут и припишут. Нам.

– Убрать Кашима? – предположил мужчина с планшетом.

Первый задумался, продолжая курить.

– Нет, – после достаточно продолжительного молчания сказал он, затушив окурочек в пепельнице. – Исполнитель, способный повернуть такое, нам точно еще пригодится. Тем более что сомневаться в нем у нас нет причины, так ведь?

– Точно так.

– Оплата его устроила?

– Да, вполне. Он даже не пересчитывал. Просто взял деньги и расписался в липовой ведомости, которую я ему дал. Кстати, начинаю подозревать, что он не копит на что-то. Просто не знает, на что их тратить.

– А на что ты их потратишь, когда тебе одиннадцать лет? Квартиру не купишь, флаер тоже, в казино не пустят, в бордель сам еще не пойдешь, поскольку не знаешь еще, что делать с женщинами, алкоголь и наркотики не рассматриваем... Компьютеры? Техника? Одежда? Золото? Так он кадет – ему хранить это все негде, а носить разрешено только форму. Вот и остается еда, сладости, мороженое... А все это не так уж и дорого стоит.

– Пожалуй, – не стал спорить мужчина, стоящий напротив стола.

– Кашима не трогать, – вынес окончательное решение первый мужчина. – Пусть живет как живет. Учится, работает. Он полезен, и у него хороший потенциал. Такие Коверы еще не один и не два раза появляться будут. И иметь инструмент для решения такого рода проблем необходимо. Иногда жизненно необходимо. Главная наша задача – обеспечить сохранение тайны. Причем именно с нашей стороны. Кашим со своей следов и зацепок не оставляет пока. Так что переходим к другим проблемам. А их у нас хватает и без Ковера. Источник финансирования «Черного Солнца»... Когда? Когда вы мне его сможете назвать, наконец? Сколько агентов удалось внедрить в их ряды?

– Мы работаем! Работаем. Внедрили уже трех агентов. Но они не в состоянии пока серьезно продвинуться в иерархии. Нужно время.

– Время? День? Час? Неделя? Месяц? Год? Сколько? До следующей крупной резонансной акции? Так нас в таком случае раньше с должностей поснимают за такую работу!

– Мы работаем, работаем...

Глава 9

– Как там Кашим? – поинтересовался мужчина в невзрачном костюме, сидящий за дубовым письменным столом. Два года уже прошло с его поступления. Сколько ему сейчас?

– Тринадцать, – ответил мужчина с планшетом в руках, стоящий напротив стола.

– И как он?

– Учится, – пожал плечами второй мужчина. – Лучший на курсе. Один из лучших среди «скурс». Двадцать четыре боевых операции. В основном в Альянсе и Султанате. Пять операций соло. Неизменно эффективен и безупречен. На курок нажимает без колебаний и сожалений. Прозвище «Ваншот» закрепилось за ним намертво, и он его полностью оправдывает. У «хакеров» также высокие показатели. Купил недавно дорогой ноутбук на смену прошлому. В увольнении ходит на флаердром и участвует в любительских гонках. Увлечен фехтованием. Я взял на себя смелость подобрать и перевести в его училище профессионального тренера по этой дисциплине.

– Одобряю, – кивнул мужчина за столом. – Ноутбук насколько дорогой?

– Пять тысяч, – пояснил мужчина с планшетом.

Мужчина, сидящий за столом, присвистнул.

– В целом же за прошедшие полтора года практически ничего не поменялось. Только подрос немного.

– Я ставил задачу побеседовать с выжившим охранником проекта «Хипнос». Выполнили?

– Так точно. Я лично летал на Урал-3. Запись беседы давно уже у вас, – отчитался мужчина, сверившись со своим планшетом.

– Позже просмотрю. Сейчас коротко, своими словами, общий смысл.

– Общий смысл сводится к тому, что объект тринадцать напал совершенно без повода и немотивированно. Особенно учитывая то, что Царевин Павел Семенович (так зовут того охранника) проявлял некую заботу о тринадцатом. В рамках служебных обязанностей, конечно.

– Конкретнее?

– Угощал конфетами, иногда помогал дойти до камеры-бокса после особенно тяжелых опытов.

– Инструкцию нарушал, значит? – хмыкнул мужчина, сидящий за дубовым письменным столом. – На режимном объекте, при работе с потенциально опасным подопытным?

– Получается, что так. Напал объект тринадцать внезапно и действовал быстро. Царевин даже понять ничего не успел: помнит только боль в пальцах одной руки, потом во второй руке, которой он пытался схватиться за первую, дальше темнота. Как позже выяснили, череп ему проломил Тринадцатый его же парализатором, сдернутым с пояса. Выстрелить из него объект тринадцать не смог бы, так как там стоит блокировка по биометрическим параметрам владельца, а вот как следует ударить... Что собственно тот и сделал, предварительно пнув под колено Царевина, чтобы достать до затылка, не подпрыгивая.

– Продуманная атака, безупречное исполнение, максимальная эффективность при минимуме действий... Очень похоже на то, как вы описываете Кашима.

– Именно так, – кивнул мужчина с планшетом. – О самом проекте Царевин практически ничего не знает. Только то, что атмосфера там царилась самая что ни на есть гнетущая. Подопытные повально были неразговорчивы, мрачны и подавлены. После «процедур», длящихся по двенадцать-пятнадцать часов, выползали, словно, цитирую: «на них черти в аду уголь возили. И веяло от них тоской и жутью какой-то запредельной. А взгляд – словно в могиле побывали», – зачитал со своего планшета стоящий напротив стола мужчина. – Объект тринадцать прошел

более сорока процедур за два с половиной месяца, хотя многие другие подопытные умирали после одной-двух.

– Занятно... Очень занятно... – побарабанил пальцами по столу первый мужчина. – Получается, Тринадцатый обдуманно зачем-то напал на охранника, угощавшего его конфетами, и сбежал, после чего был пойман и посажен в карцер. А буквально на следующий день в том секторе погибли все, кроме него и того самого охранника, угощавшего его конфетами... Случайность?

– Не могу сказать, – ушел от ответа второй мужчина, стоящий напротив стола с планшетом в руках.

– Очень уж похоже на некий план. Простой и, по неопытности, топорный. И все сходится, если предположить, что о чепэ Тринадцатый знал заранее. И знал, что единственный, хоть и исчезающе малый шанс на выживание у него будет только в карцере.

– Только откуда он мог знать о предстоящем чепэ?

– Вопрос, на который ответить может только сам Тринадцатый, – вздохнул мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

– Попытаться расспросить его?

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Тогда что делать?

– Продолжать кормить его конфетами, надеясь, что перед следующим чепэ он не забудет и нас, как того охранника...

– Проломит череп?

– Спасет жизнь.

Глава 10

– Леонид! Ты полный бездарь! Настолько умопомрачительно антitalантивного ученика у меня еще никогда не было! – возмущалась невысокая стройная девушка-инструктор по пилотированию.

Перед ней, понутив голову, стоял кадет Жестянкин, которому, собственно, она и высказывала свое возмущение. И у нее были на это причины! Девятая пересдача зачета. Девятая! И снова полный провал. Фееричный, можно сказать. Умудриться собрать учебным малым космолетом все, *все* (!) препятствия на маршруте, посадить машину за край посадочной площадки и при этом не угробить себя, инструктора, сидящего в соседнем кресле, и сам космолет надо еще суметь! И это уже в девятый раз! И каждый раз именно так, словно назло, словно издевается! Но невозможно так издеваться! Чтобы специально изобразить такое, надо обладать даже не талантом, а гениальностью.

И самое гадское – его нельзя с курса пилотирования отчислить, так как курс не профильный, в основную программу обучения не входит и является добровольным. А этот... упертый тип точно придет сдавать зачет и в десятый раз точно. А перед этим заново проходить все этапы подготовки по теории, часы налета и зачет на тренажере. И опять ей с ним мучиться, поскольку в этом году он один из трех «добровольцев», записавшихся на курс пилотирования. Причем один уже сдался и бросил, а второй сдал и курс окончил. Вот и получается, что ходячая катастрофа Жестянкин является ее единственным и основным учеником на этот год. И с завтрашнего дня они будут проходить этот курс в юбилейный десятый раз! Господи, помоги, спаси, помилуй и дай ей сил не прибить это недоразумение, с упорством, достойным лучшего применения, штурмующее непростую науку управления летательным аппаратом класса «универсал» атмосфера-космос.

– Ну как это у тебя получается? Ну вот как? Мы же с тобой это все уже столько раз отрабатывали! Этот маршрут тебе уже во сне должен являться, сколько раз ты его на тренажерах проходил! Ну почему, почему ты не можешь сдать этот проклятый зачет! – продолжала возмущаться инструктор.

Звали ее Валаньева Анастасия Константиновна. И сама она являлась буквально «вчерашней» выпускницей Новопитерского Высшего военного летного училища, по распределению (и по протекции мамы – не последнего человека в военном ведомстве, причем о протекции сама Анастасия не знала и считала, что ей просто «не повезло») попавшая в качестве инструктора в Кадетское училище на курс, который не пользовался большой популярностью из-за высоких требований по здоровью и соответствующих им нагрузок. Кадеты-связисты особенным физическим здоровьем и данными не блистали. Блистающие шли сразу в пилоты и десант, а не в связь.

Но и тут находились исключения. И одно из них стояло сейчас перед Анастасией Константиновной. И звали его кадет Жестянкин Леонид Васильевич.

Он стоял, понутив голову, и осторожно поглядывал на девушку из-под бровей. Валаньеву нельзя было назвать такой уж ослепительной красавицей, нет. Но, безусловно очень симпатичной она была. И смотреть на нее было приятно, даже под такие слова: раскрасневшаяся, слегка востропанная, возбужденная и часто глубоко дышащая в летном комбинезоне «слегка не в порядке», как можно назвать расстегнувшуюся «чуть дальше» положенного уставом молнию на груди, открывающую завораживающий вид на соблазнительное декольте девушки. А «достоинства» в этом декольте прятались хорошего такого второго размера.

– Ну что с тобой делать, Леонид! Ведь девятый раз уже! – поутих наконец боевой запал девушки.

Она вообще не умела долго злиться. Особенно на Жестянкина. На него никто не умел долго злиться. Слишком открытый, веселый и непосредливо-непосредственный, потрясая жадный до жизни мальчишка, умеющий улыбаться так, что губы собеседника сами собой начинают разезжаться в ответной улыбке.

– «Понять и пррростить?» – ответил древней как мир шуткой Жестянкин и улыбнулся. – Никто же не пострадал, Анастасия Константиновна?

– Только мои нервы, – уже окончательно успокоившись, ответила девушка.

– Снова сначала, да? – осторожно, с непонятной надеждой спросил он.

– Нет, – ответила она, чуть подумав. – В этот раз я заберу тебя на две недели на орбитальную станцию подготовки пилотов-истребителей НВВЛУ. Если уж там из тебя пилота не сделают, то это невозможно в принципе!

– На орбитальную станцию?! – восхищенно округлил глаза Жестянкин. – А вы и правда это можете?!

– Не скажу, что легко, – вздохнула она. – Но думаю, что могу. Ты-то сможешь догнать потом программу обучения? Сумеешь досдать экстерном хвосты за две недели?

– Конечно! Я уже так делал, чтобы на конкурсы скрипачей попасть!

– Скрипачей? – удивилась она. – Ты умеешь на скрипке играть?

– Немного, – смутился Жестянкин и отвел взгляд в сторону.

– И чего смущаешься? – улыбнулась девушка. – Это же хорошо. Возьми с собой скрипку, сыграешь мне как-нибудь. Там же не целый день занятия! – Парень, все еще смущаясь, молча кивнул. – Ну, беги, собирайся!

– Слушаюсь, товарищ лейтенант! – вытянулся по стойке «смирно» Жестянкин, козырнул и выполнил команду инструктора буквально.

* * *

– Ну что, дождались?! «Черное Солнце»-таки нанесло удар, а мы до сих пор практически ничего не знаем! – повысив голос, начал высказывать вошедшему мужчине с планшетом его собеседник, сидящий за столом. – Полтора года вы мне твердите: «Работаем, работаем, работаем»! А результат – ноль! Даже меньше, чем ноль! Минус! – Он опустил в свое кресло и закурил. – Я чего-то не пойму: у вас орбитальную станцию Высшего военного училища захватили, а вы спокойны, словно удав.

– Что вы! – улыбнулся мужчина с планшетом. – Очень волнуюсь, что нам опять не останется живых террористов для работы.

– Живых террористов? – удивился первый мужчина. – А живых курсантов? В случае штурма орбитальной станции, по расчетам аналитиков, до двух третей заложников погибнет: часть от разгерметизации отсеков, часть от применения тяжелого вооружения, без которого штурм невозможен.

– Я советую максимально оттянуть штурм станции. Создать видимость подготовки, стянуть силы, начать переговоры, ультиматумы... Но сам штурм не начинать.

– Все-таки я чего-то не знаю. Что заставляет вас быть столь самоуверенным, подполковник? – затянулся и медленно выпустил дым в воздух мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

– Там Кашим, товарищ полковник, – тихо ответил мужчина с планшетом.

– Земля им пухом, – затушил в пепельнице недокуренную сигарету сидящий в кресле и вмиг успокоившийся мужчина. – Передайте на станцию открытым текстом: «Кашим, фас!».

Заря-1

Глава 11

Отбыть на орбитальную базу только вдвоем с Жестянкиным Анастасии Константиновне не удалось. Нет, поначалу все шло нормально: бывший начальник курса ответил на звонок бывшей курсантки Валаньевой и легко согласился «поучить летать ее непутевого ученичка». При этом улаживание вопросов с командованием базы взял на себя.

Сложность возникла, когда Анастасия Константиновна отправилась к начальнику училища отпрашивать кадета Жестянкина в командировку для обучения пилотированию на базу подготовки пилотов.

Там выяснилось, что у Сомова есть дочка, на полгода младше Жестянкина, страстно желающая стать пилотом. А заодно и то, что либо лейтенант Валаньева берет с собой двух учеников, либо не берет никого и сама никуда не летит. Дочку Сомова звали Сашей. Была она на полголовы выше Жестянкина и совсем не похожа на отца. Тот был блондин с голубыми глазами и с легкой горбинкой на носу. Она же шатенка с карими глазами и прямым, слегка курносым носиком. На этом различия не заканчивались: Сомов-старший напоминал грозовую тучу, часто хмурился и редко улыбался. Сомова-младшая много двигалась, много улыбалась, хлопала длинными ресницами, и от улыбки ее на щеках играли озорные ямочки.

Леонид неожиданной попутчицы стеснялся. Непривычен он был к обществу девчонок. Что в детдоме, что в училище круг его общения состоял из лиц одного с ним пола. Единственное исключение как раз и составляла Анастасия Константиновна. Так что о том, как себя вести, что говорить и что делать, он не знал совершенно. Часто краснел, путался в словах и прятал за спину чехол со скрипкой.

Валаньева смотрела на все это и только подсмеивалась. Ей не терпелось уже попасть в свою альма-матер, в училище, в котором прошли пять лет ее жизни, с которым связано столько воспоминаний, забавных случаев и веселых историй.

Встретил на станции их лично Феофанов Василий Геннадьевич. Майор Феофанов, занимающий должность начальника курса у нынешнего состава обучающихся на станции пилотов. Тот самый человек, что в свое время учил летать саму Валаньеву. И, что примечательно, научил!

Им троим выделили каюты, дали время разложить вещи, и начались занятия. Именно так, с ходу: теория, тренажеры, тренажеры, снова теория и опять тренажеры. Полетать на настоящих, пусть и учебных, истребителях им разрешили на третий день. К концу недели они уже проводили в них по восемь-десять часов кряду, отрабатывая летные упражнения, фигуры и задачи. Сомова блистала, Жестянкин в своем непередаваемом стиле тупил, повергая в предынфарктное состояние работающих с ним инструкторов.

А по вечерам они втроем собирались в каюте Валаньевой, и Жестянкин играл на скрипке. Перекидываясь в картишки, они рассказывали страшные истории и травили пилотские байки...

Вот только к середине второй недели стало вдруг не до смеха. Очередной транспорт, который должен был доставить на станцию запас воды, продуктов, прочих расходных материалов для поддержания функционирования систем и аппаратов, принес на своем борту совершенно другой груз. В просторных трюмах его прятались шесть с половиной десятков вооруженных людей, имеющих некое подобие организации и дисциплины.

Курсантов вместе с преподавателями и обслуживающим персоналом станции насчитывалось около восьмидесяти душ. Казалось бы, численный перевес на их стороне, но дерзость

нападения, внезапность, время нападения (за два часа до подъема), слаженность, проработанный план действий, превосходное знание плана станции и, опять же, превосходство в оружии свое дело сделали.

Итог: станция захвачена. Дежурный по станции и помощник дежурного по станции убиты при оказании сопротивления. Эти два офицера, капитан и старший лейтенант, успели убить из табельных пистолетов пятерых террористов и троих ранить. Также послать сигнал на планету и объявить тревогу по станции... Выполнили свой долг и обязанности до конца. Вот только помогло это мало, так как курсантов и преподавателей уже в это же самое время брали сонными в собственных каютах и кубриках. Восемь из них (опять же в основном дежурная смена) были убиты при попытке оказать сопротивление: с табельным штыком против автоматов много не навоюешь.

Капитанский мостик и рубка управления были взяты столь же быстро и эффективно, хоть и потеряли захватчики при ее штурме еще семь человек убитыми и двух ранеными.

Валаньева, Сомова и Жестянкин вместе с еще десятью курсантами были отконвоированы в рубку управления, совмещающую в себе еще и функции комнаты видеосвязи с планетой для демонстрации серьезности намерений террористов.

– Мы – Черное Солнце! Мы – Восход Нового Мировопорядка! Ваше общество прогнило! Коррупция во всех эшелонах власти! Богатеи и дворяне эксплуатируют труд простых рабочих, притесняют и считают людьми второго сорта! Полиция продажна, власть преступна, но мы не хотим мириться с этим! Мы – Черное Солнце! И мы – Сила! Мы требуем свержения императора! И мы готовы пожертвовать ради этого своими жизнями! Но нас много! Погибнем мы – на смену придут другие! – вещал в экран высокий мужчина, одетый в гражданскую версию армейского камуфляжа, с автоматом на груди и черной балаклавой на голове. – Надеюсь, вы записали это обращение, господа безопасники? – продолжил он уже без прежнего пафоса, уже вполне нормальным голосом. – Через два часа оно должно крутиться на всех центральных каналах телевидения Империи. И еще вот эти два ролика, которые вам сейчас пересылаются. Иначе мы начнем убивать заложников. По одному каждые полчаса промедления. Для демонстрации серьезности наших намерений... – Он сделал жест своим подчиненным, и из десятка курсантов вывели одного. Подвели к камере, поставили на колени и прострелили затылок.

– Мы поняли вас, – пришел ответ от человека с экрана монитора связи. – Как к вам обращаться?

– Сначала представьтесь, – потребовал мужчина в балаклаве.

– Полковник Службы имперской безопасности Васин. Уполномочен вести с вами переговоры. Так как к вам обращаться?

– Обращайтесь: Кондор. Я лидер группы, захватившей станцию. Это мой официальный позывной для вас.

– Итак, Кондор. Мы записали ваше сообщение. Руководство рассматривает возможность выполнения ваших требований. Но учитывайте – все, кто находится на захваченной вами станции – военные. Они все давали присягу. И являются сейчас не заложниками, а военнопленными. И по Женевской конвенции от две тысячи триста пятьдесят четвертого года, исправленной и дополненной, требуют соответствующего содержания и обращения. В случае нарушения этих условий вас будут судить не только как террориста по законам Российской Империи, но и как военного преступника в Международном трибунале, если каким-то чудом вам удастся покинуть живым эту станцию! И я говорю вам: «Кашим, фас!», что означает: «Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет!»

Валаньева смотрела на экран из-за спин террористов, только что хладнокровно казнивших перед камерой курсанта, и не понимала, что говорит этот человек: он угрожает террористу-смертнику Международным трибуналом. Террористу, у которого в руках целая орбитальная станция!

– Вы угрожаете мне, полковник?! – выразил ее мнение представившийся Кондором. – Я полностью контролирую орбитальную станцию! В случае штурма я просто дам команду на маршевые ускорители и грохну ее прямиком тебе на голову, петух СИБовский! Где ты там сейчас сидишь? В Новопитере? В Новопасске?

– Ну-ну, не стоит так кипятиться, Кондор, – мягко ответил человек с монитора. – Я не угрожаю тебе. Я информирую. Просто чтобы ты не делал глупостей и начинал думать о последствиях своих действий сейчас, пока еще что-то можно исправить или, скорее, не допустить... – мягкий голос, говорящий убедительные слова уверенным тоном, лился из динамиков, успокаивая, убаюкивая, сглаживая резкость предыдущих речей.

Валаньева оглянулась на своих подопечных, чтобы подбодрить их, успокоить, сказать, что все будет хорошо... Вот только ни Сомовой, ни Жестянкина рядом уже не было. Когда, как и куда они успели исчезнуть, девушка так и не поняла.

* * *

Саша Сомова, ЭсЭс, как ее дразнили в школе, кралась за своим товарищем по этому приключению, Леней Жестянкиным, веселым стеснительным мальчиком-скрипачом, с которым их познакомила Анастасия Константиновна, инструктор по пилотированию с работы отца, и с которым они вместе прилетели на эту станцию.

Когда все началось, их всех троих вытащили из кают странные вооруженные люди. Вытащили и погнали в рубку управления, на самый капитанский мостик. Жестянкин тогда выглядел таким же растерянным, напуганным и ничего не понимающим, как и она сама, как и окружавшие их полуголые курсанты, как Анастасия Константиновна.

Саша инстинктивно в этой ситуации старалась держаться поближе к «своим», к знакомым лицам, к Жестянкину и Валаньевой, которые успели за это время стать своими. Потому и оказалась рядом, когда назвавшийся Кондором террорист в черной маске застрелил в затылок курсанта перед камерой.

От страха и шока после выстрела она отвернулась и зажмурилась. Но дети не могут долго пугаться, и она открыла глаза. Открыла и увидела спокойное лицо Жестянкина, внимательно слушающего человека с экрана монитора. Еще раз – *спокойное!* Тринадцатилетний мальчик спокойно смотрит, как перед ним убивают человека! Как такое возможно? Что же это за мальчик такой?

И тут Жестянкин вздрогнул, когда прозвучала странная фраза человека с монитора, из которой Саша поняла только вторую часть – знаменитые слова древнего полководца Александра Невского. А вот Жестянкин, похоже, понял и первую часть фразы, потому что не успели эти слова отзвучать, а он уже тихонечко пополз к двери.

Причем делал это настолько осторожно и незаметно, что на него никто не обращал внимания. Все смотрели на экран, где продолжал что-то говорить СИБовский полковник.

Саша выждала чуть-чуть и тоже поползла за товарищем. Самое удивительное, что это у нее получилось. До самой двери. И за саму дверь тоже.

И там девочка застыла в полном непонимании происходящего: стеснительный мальчик-скрипач Леня Жестянкин в три быстрых, точных движения совершенно бесшумно убил перочинным ножом двух здоровенных бугаев с оружием. Убил и аккуратно уложил на пол, совершенно не пугаясь пачкающей его пижаму крови из ран на телах бандитов.

После этого мальчик снял с одного из тел автоматическую лазерную винтовку АШК-17 (автомат штурмовой Козырева образца 2417 года), быстро осмотрел ее, привычными движениями проверяя энергозапас в обоймах и переводя оружие в боевое положение. Затем снял и надел на себя ремень с десантным ножом и запасными обоймами к винтовке.

Саша, видя все это, замерла и боялась дышать. Почему-то в этот момент быть замеченной мальчиком ей казалось страшнее, чем бандитами. Как только он отвернулся, девочка отползла в угол и забилась там.

Мальчик тем временем вернулся к двери, встал так, чтобы иметь хороший обзор, но при этом не быть заметным самому, после чего хладнокровно, спокойно, как в тире, расстрелял всех террористов в помещении, начиная с Кондора. Девять секунд: двенадцать выстрелов – двенадцать целей. Затем также спокойно нажал на панели кнопку закрытия переборки и раскурочил пульт прикладом АШК так, чтобы ее нельзя было разблокировать ни изнутри, ни снаружи.

И тут мальчик заметил девочку. Он посмотрел прямо ей в глаза. И глаза его были пусты, прозрачны и безмятежны, словно у ангела, сошедшего с небес на землю. Маленький ангел в белой пижамке, залепанный кровью, и с тяжелой штурмовой винтовкой в руках.

– Леня, не убивай меня... пожалуйста, – жалобно попросила девочка мальчика, сжавшись в комочек, словно ожидая удара.

Мальчик опустил винтовку, и так до этого не нацеленную на девочку, и улыбнулся, слегка стесняясь.

– Не буду, – сказал он и пожал плечами. – Мы же друзья!

От этих слов у Саши буквально гора с души рухнула. Почему-то ей было страшно не умереть, а быть убитой именно им, мальчиком-скрипачом, с которым они подружились на этой станции.

Девочка несмело улыбнулась мальчику. Тот протянул ей руку, помогая встать. Девочка с благодарностью помощью воспользовалась, поскольку после потрясений крайних минут ее и правда не слишком держали ноги.

– Только держись сзади и не отходи далеко от меня. На станции еще полно террористов. Девочка согласно кивнула.

А дальше все было словно в каком-то триллере или, скорее, шутере. Жестянкин не спеша шел вперед, держа АШК-17 в положении изготовки для стрельбы стоя, плотно зажав приклад щекой и намотав для упора ремень автомата на локоть левой руки. А из-за угла коридора выскакивали люди с оружием. Точнее, группы людей с оружием. Выскакивали, чтобы тут же падать замертво, сраженными убийственно-точной стрельбой мальчика.

Жестянкин стрелял только одиночными, но очень быстро и очень метко, в лучших традициях «Малька-Ваншота».

Так продолжалось уже третий коридор. За спиной осталось уже больше тридцати трупов, если считать и тех, что были на капитанском мостике.

Внезапно все изменилось. Жестянкин выстрелил, но на том конце труп не упал. Тень, что высунулась было в коридор, резко отпрянула обратно за долю мгновения до выстрела.

Леонид, не оборачиваясь, тут же подал знак Саше остановиться, после чего знак отступать. И сам же начал быстро отходить от угла, не отпуская его взглядом. И не зря! Оттуда не выпрыгнул человек, нет. Оттуда вылетела граната, которую Жестянкин и прострелил в воздухе.

Грянул плазменный взрыв, но дети были более чем в сорока метрах от его эпицентра и не пострадали. Вслед за первой гранатой вылетели еще две и тоже были сбиты, а Жестянкин отходил все быстрее и быстрее. Вылетели три гранаты: две были сбиты, а третья отскочила от стены и прокатилась по коридору дальше, почти до его середины, и только там взорвалась. Она оказалась еще и осколочной, а не плазменной, а у нее радиус поражения – до двух сотен метров. Грохнуло так, что аж зазавенело в ушах. Повезло, что Жестянкин с Сомовой в последний момент успели нырнуть в коридор-ответвление, и взрывом, так же как и осколками, их не задело.

Жестянкин жестом скомандовал Сомовой: «Уходим». И они побежали.

– Что там? – на бегу спросила Саша Леню.

– Кто-то, кто ничуть не хуже меня. Плюс у него преимущество в людях и вооружении. Бой продолжать опасно. Надо перегруппироваться и поменять тактику, – также на бегу ответил Жестянкин.

Затем остановился и быстро, с заметным в каждом движении опытом, поставил растяжку посреди коридора (видимо, с тех двух тел мальчик прихватил не только винтовку с магазинами, просто девочка была недостаточно внимательна).

– Боишься?

– Нет. Оцениваю риски.

– Тогда бежим.

– Ну, побежали, – улыбнулся Жестянкин.

И они действительно побежали.

Глава 12

– Да что ты мне зубы заговариваешь, полковник! – вскипел Кондор. – Выполняй, что тебе сказано, не то я начну убивать заложников прямо сейчас! Запомни, я контролирую эту станцию!

– Ты ничего не контролируешь, дурачок, – вздохнул человек на экране, бросив взгляд куда-то за спину Кондора. – Ты вообще уже мертв... – произнес он.

И одновременно с окончанием этой фразы прозвучало специфическое тихое шипение-свист лазерных выстрелов. Первым луч прямо в затылок получил Кондор. Следом за ним стали падать начавшие разворачиваться и поднимать оружие его люди. Один за другим, все одиннадцать.

Происходило это так стремительно, что никто даже сообразить ничего не успел, а на месте декоративной деревянной двери захлопнулась герметичная бронированная переборка.

– Без паники, господа офицеры! – раздался голос человека с экрана. – Все под контролем! Спецоперация по очистке станции от захватчиков началась. Не покидайте помещение. Капитан Тарасик!

– Я! – отозвался один из присутствовавших в рубке офицеров, пригнанных сюда вместе с остальными заложниками.

– Принимаете командование станцией по праву старшинства и штатной очередности, так как полковник Артурян, подполковник Чернов и майор Остроухов, – перечислял СИБовский полковник фамилии и воинские звания высших офицеров, лежащих на полу рубки, погибших при ее штурме террористами, – выполнив свой Долг до конца, не могут этого сделать.

– Есть принять командование! – ответил новоявленный ВрИО начальника станции.

– Передайте приказ по станции: своих мест не покидать, сопротивления террористам не оказывать. Идет спецоперация по очистке объекта от захватчиков. Лишние жертвы никому не нужны. Все, кто находится в этом помещении, разбирайте оружие, баррикадируйте вход и занимайте места согласно штатному расписанию работы рубки. Занимайте места погибших товарищей, но управление станцией должно работать!!! – прозвучало с экрана, и в помещении началась деловая суета, немного бестолковая, но уже вполне рабочая.

Опустевшие пульта постепенно занимались новыми операторами, запускались, пошли первые данные и доклады...

– Товарищ капитан! Проблема с маршевыми двигателями! Они не отвечают на пинг! Мы не можем ими управлять! – прозвучал первый пугающий доклад.

В следующий момент, словно по заказу или закону подлости, все почувствовали рывок запуска тех самых, с которыми потеряна связь, будь они трижды неладны, маршевых двигателей.

– Глушите реактор! – тут же поступила команда ВрИО начальника станции. – Немедленно!

– Пытаемся! Не выходит! Нет ответа от систем управления реактором! Сигнал не проходит! – пришел следующий неприятный доклад.

– Товарищ полковник! – обратился Тарасик к человеку на экране связи. – Маршевые двигатели запущены! Заглушить их или реактор возможно только вручную! Разрешите отправить группу на выполнение!

– Не разрешаю! Куда летит станция? Прогноз траектории?

– Летит к планете. Прогноз – Новопитер!

– Включите общий канал громкой связи и оповещения по станции! – поступил приказ человека с экрана.

– Канал включен!

– Внимание...

* * *

Саша с Леней бежали по коридору. Саша всегда считала себя спортивной девочкой и даже занимала призовые места на легкоатлетических соревнованиях в городе. Но тут она выкладывалась чуть ли не на полную, а получалось лишь не отстать от друга. А если еще учесть, что на том еще был пояс с ножом, запасными обоймами и двумя осколочными гранатами, а в руках он тащил АШК со снаряженной обоймой и прицельным приспособлением общим весом в четыре с половиной килограмма, то... Крепкий такой скрипач получается. За поворотом, который они оставили позади, грянул взрыв и раздались крики боли.

Леня тут же остановился и резко рванул обратно к углу. Там он с разбегу принял положение для стрельбы лежа, выкатился в коридор и открыл огонь. Крики быстро оборвались. Бросил гранату. Снова начал стрелять. Прозвучал плазменный взрыв, за ним еще один. Затем грохнула осколочная. Снова несколько выстрелов. Мальчик прекратил огонь и откатился обратно за угол. Кувырком принял вертикальное положение и снова побежал в прежнем направлении.

– Минус десять, – тихо сообщил Леня Саше. Та лишь кивнула на бегу.

Тут по коридорам разнесся голос из динамиков, знакомый обоим еще по рубке управления, голос СИБовского полковника с монитора связи.

– Внимание! Агенты, Кондор был подставой, обманкой. Цель террористов – сбросить станцию на Новопитер. Маршевые двигатели запущены. Заглушить реактор можно только вручную. Время до точки невозврата: девяносто восемь минут. Даю отсчет. По истечении отведенного времени станция будет сбита планетарными силами ПКО. Девяносто семь минут...

Мальчик остановился у ближайшего плана эвакуации, висящего на стене.

– Итак, что мы имеем, – спокойно начал он. – Неизвестное количество «мяса» с плохой подготовкой, но хорошим оружием и промытыми мозгами. Один или несколько серьезных дядей с серьезной подготовкой и хорошим планом. И задача – сбросить станцию на планету.

– А те, от кого мы бежим? Нам не стоит поторопиться? – уточнила Саша, судорожно отдыхаясь.

– Подумать время есть, – отозвался мальчик. – И подумать надо.

– Хорошо, давай думать.

– Как бы я решил эту задачу? – задал сам себе вопрос Леня. – Первый этап – захват. Время и способ доставки «мяса» я бы выбрал примерно такой же. Если курсантов примерно пятьдесят, преподавателей десять, obsługi и командования еще двадцать, получаем восемь десятков экипажа. Из них вооружены меньше десятка. Для захвата и удержания в повиновении требуется примерно пять-шесть десятков «мяса» с оружием...

– Девяносто шесть минут, – разнесся по станции механический голос компьютерного таймера, запущенного человеком с экрана.

– ...Для основной задачи требуется наличие плана станции и техспециалист с охраной и координатором. Охрана должна быть из серьезных трех-пяти человек. Программировать реактор и маршевые я бы стал непосредственно вблизи реактора. Перерубаются дистанционные линии управления, переводится на ручное, ставится небольшой управляющий компьютер... И блокируются переборками подходы. Намертво. Далее план отхода. Он по-любому должен быть: координатор не смертник, да и техспец не за идею трудится. А серьезные дяди из охраны координатора вообще без плана отхода не работают. На то они и серьезные дяди, а не шпана...

– Девяносто пять минут.

– ...Итак, план отхода. Палуба учебных истребителей!

– И куда теперь? – спросила отдышавшаяся наконец девочка.

– На палубу учебных истребителей. Реактор по-любому сейчас заблокирован. Вскрывать слишком долго. Надо перехватить координатора. У него может быть дистанционная связь с управляющим компьютером.

– А преследователи?

– Нет там больше никого. Переиграл я серьезного дядю. Теперь их на одного меньше. Вперед! – скомандовал Леня, разобравшийся наконец в кратчайшем маршруте.

– Девяносто четыре минуты.

И маршрут пролегал через тот же коридор, что они уже пробегали. Но теперь в нем валялись трупы. От их вида и запаха Сашу начало мутить, но пробежали участок быстро. Правда, Леня ненадолго остановился у одного из тел и снял с него наушник портативного приемо-передатчика и пистолет с запасом обойм к нему. Дальше бежали уже не останавливаясь до самой палубы. У крайнего поворота мальчик жестом призвал девочку к тишине и велел ей оставаться на месте, вручив для храбрости пистолет. Сам же вдохнул-выдохнул и выскочил из-за угла.

Снова слышалось специфичное шипение-свист выстрелов и крики.

– Семьдесят девять минут, – бесстрастно проинформировал пространство таймер.

Крики, выстрелы и взрывы продолжались.

– Семьдесят восемь минут.

Бой все еще длился.

– Семьдесят семь минут.

– Семьдесят шесть минут.

Повисла оглушительная тишина, нарушаемая лишь звуком горения чего-то.

– Семьдесят пять минут.

Терпение девочки кончилось, и она осторожно выглянула за угол. И тут же была схвачена крепкой и грубой мужской рукой за волосы.

К виску ей приставили ствол пистолета.

– А кто это у нас тут?! – раздался самодовольный громкий голос. – Разве тебе не говорили, что не стоит маленьким девочкам гулять в одиночку по захваченной террористами станции? – так и сочилось ехидство из этого голоса. – Выходи давай, герой! А то я твоей соплюшке шею сверну! Вылезай давай, крутой парень! Эй! – Тишина была ему ответом. – Ты думаешь, я шу...

Прозвучало шипение-свист, и голос за спиной оборвался неприятным бульканьем. Вот только шипение было чуть длиннее, чем обычно. Примерно вдвое.

Девочка обернулась назад и увидела бьющееся в предсмертных конвульсиях тело, со сквозной дыркой от лазерного выстрела прямо между глаз, впрочем, быстро затихшее. А прямо под ногами валялся дымящийся и слегка оплавленный в районе напрочь отсутствующего спускового крючка пистолет. Пересиливая тошноту и отвращение, девочка присмотрелась: на правой руке затихшего уже окончательно мужчины не хватало двух пальцев – указательного и безымянного. На их месте был свежий лазерный ожог.

– Семьдесят четыре минуты, – бесстрастно прозвучал над палубой голос таймера.

Саша не выдержала, и ее все же стошнило.

Неслышно подошел Жестянкин и устало сел на покрашенный в красный цвет ящик с белой трафаретной надписью «песок» на верхней крышке и поставил рядом с собой на пол стволом вверх все ту же верой и правдой отслужившую сегодня ему АШК-17.

– Ушел, гад, – спокойно и немного устало сообщил Леня. – Десять минут назад убыл на двухместном учебном универсале. Эти, – кивнул он на множество тел, в беспорядке валяющихся по всей палубе, – должны были вторым заходом лететь. Вон на том транспортнике, – показал он пальцем на массивный корабль в дальнем конце палубы.

– Семьдесят три минуты, – разнеслось очередное сообщение таймера из динамиков оповещения по всей станции.

Глава 13

– Итак, что мы имеем? – задумчиво проговорил мальчик, опустив подбородок на сложенные на обойме АШК-17 руки. – Станция от захватчиков очищена. Координатор с техспецом смылся. Станция падает, реактор и подходы к маршевым двигателям заблокированы аварийными переборками... Весело.

– Может, просто взорвать эти переборки? – предложила девочка.

– Было бы чем, – вздохнул мальчик. – Мощности ручных гранат не хватит, даже если два десятка разом подорвать, что, вообще-то, возможно только в теории, но никак не на практике.

– А выбить чем-нибудь?

– Чем ты их выбьешь? Там не меньше чем флаером таранить надо...

– Шестьдесят девять минут.

– А далеко он, реакторный отсек этот?

– На нашем этаже пять коридоров, шесть поворотов отсюда, – на полном автомате ответил мальчик, внимательно разглядывая ближайший учебный универсал.

* * *

– Пятьдесят три минуты, – прозвучало очередное сообщение таймера.

– Дети, не пытайтесь повторить это дома... – под нос самому себе сказал Жестянкин, сидящий в кабине универсала, опуская руки на штурвал и запуская двигатели. – Хотя... откуда у вас дома истребитель? – добавил он, поднимая тяжелую машину в воздух.

– Что ж, попробуем впихнуть невпихуемое, – добавил он, медленно подводя на посадочно-маневровых движках нос универсала к центру технического коридора, ведущего вглубь станции.

– Это лишнее, – пробормотал он, глядя, как обламываются и отваливаются крылья об углы коридора в момент «пропихивания» в него истребителя. Даже по диагонали машина без «усовершенствований» не пролезала. А вот с обломанными наполовину крыльями дело постепенно пошло.

– А это тут вообще для красоты было, – пожал плечами мальчик в кабине пилота, видя, как отвалился хвост истребителя, предназначенный для добавления маневренности при полетах в атмосфере, во время буквального втискивания в поворот.

– «Пока что все идет неплохо», – думал оптимист, пролетая мимо пятнадцатого этажа, – все также безразлично бормотал себе под нос мальчик, повторяя маневр «поворот» шестой раз.

Впереди обзору открылся прямой коридор, перекрытый аварийной переборкой.

– Что ж, «спорим, он первый свернет?» – предложил сам себе Жестянкин, включая маршевый движок на разгон вперед, а стыковочные и маневровые движки на тягу назад. Затем начал повышать мощность и тех и других.

– За КДВ!!! – проорал он, ударом кулака вырубая маневровые вместе со стыковочными. Машина мгновенно сорвалась с места и с разгону протаранила переборку.

– Рожденный ползать летает боком, – заметил мальчик, вылезший из кабины универсала, оглядывая получившуюся композицию.

Из-за того, что в процессе «впихивания» крылья истребителя обломились неровно, машина потеряла устойчивость и центровку. Так что на скорости в том коридоре, из-за наличия атмосферы и искусственной гравитации, универсал стал совершенно неуправляем. Его закрутило вокруг своей оси, словно пулю в стволе, и в переборку истребитель вошел уже вовсе под прямым углом к полу. Но массы машины, помноженной на набранную скорость, хватило, чтобы пробить аварийную переборку. Но не до конца. В итоге универсал в ней и застрял,

словно нож в куске фанеры. Повезло, что кабина пилота оказалась с нужной стороны переборки и смогла открыться, не переклинив.

Мальчик отдышался и встал с пола, где отдыхал после того, как выкарабкался-таки из покореженной кабины универсала.

– Сорок одна минута, – прозвучало очередное сообщение таймера.

Найти место подключения и управляющий компьютер отыскать оказалось несложно. Отключить его и восстановить прерванные линии управления реактором и двигателями – тоже задача не для гениев. Нужно было отцепить провода от компьютера и соединить с такими же в щитке. Даже изолента не потребовалась – там специальные разъемы имелись. Гораздо сложнее – выбраться теперь из заблокированного переборками сектора!

* * *

– Пятьдесят три минуты, – безэмоционально сообщил голос таймера в рубке управления, который был слышен и на всей остальной станции.

И так же, как на всей остальной станции, в рубке царило напряжение, ожидание и страх. Умирать никому не хотелось. Но и сделать ничего было нельзя. Даже посмотреть, что же именно происходит за пределами рубки, было невозможно: террористы, захватывая станцию, методично уничтожали камеры видеонаблюдения.

Но кое-что люди здесь все же могли. Система слежения за противопожарной обстановкой, другие вспомогательные системы с датчиками различных излучений и контроля искусственной гравитации работали. И по показаниям датчиков примерную картину боевых действий составить можно было. Собственно, этим все находящиеся здесь и занимались.

– «Раптор восемь» запустил двигатель! Идет проверка систем!

– Есть возможность связаться с пилотом? – спросил человек с экрана связи.

– Проверяем.

– Связь с пилотом только из центра управления полетами.

– Есть связь! – воскликнул лейтенант Веснушкин. – Но только односторонняя. На восьмерке неисправная станция стоит, она все время на передачу работает в эфир. Новую уже поставили, а старую не размонтировали до сих пор. Можем услышать, что происходит в кабине.

– Включайте! И включите запись сразу.

– «...Не пытайтесь повторить это дома...» – прозвучал хриплый до неузнаваемости от помех голос. Неприятно скрежещущий. Но интонация в нем еще улавливалась.

– Почему такой странный голос? Можете сделать четче?

– Нет, радиостанция неисправна. Это все, что мы можем выжать!

– «Хотя, откуда у вас дома истребитель?..»

– «Раптор восемь» двинулся!

– «...Попробуем впихнуть невпихуемое...»

– Он движется не наружу! «Раптор восемь» движется вглубь станции!

– Перегрузка поля искусственной гравитации в коридоре А 8/7.

– Да кто этот идиот?! Пытаться летать на универсале по коридору орбитальной станции!

Он же в полтора раза шире коридора! – воскликнул майор Феофанов.

– «...это лишнее...»

– Повышение температуры в том же коридоре!

– Задымление в А-8/7. Повышение температуры!

– Он движется по коридору! Поворачивает!

– «...а это вообще для красоты...»

– А может, и не идиот... – шокированно сказал Феофанов.

А в голове Валаньевой появилось подозрение, что одного такого идиота она знает. Малолетнего...

- Перегрузка поля гравитации в коридоре А-9/7.
- Задымление там же!
- Повышение температуры!
- Повреждение кабелей дежурного освещения!
- Повернул в А-5/7!
- Задымление, перегрузка, повышение температуры...
- Свернул в А-4/7!
- Так он же к реактору летит!
- Но сектор блокирован! В А-2/7 опущена переборка!
- «...Пока что все идет неплохо, – думал оптимист, пролетая мимо пятнадцатого этажа...»

– Свернул в А-2/7!

– Перегрузка...

– Остановился.

– Задымление! Резкий рост температуры! Поле гравитации не справляется! Дежурное освещение повреждено!

– Маршевый двигатель «Раптора восемь» вышел на рабочий режим! Мощность повышается! Вышел на режим стартового разгона!

– «...что ж, “спорим, он первый свернет?”»

– Нет, он не идиот! Он псих конченный! Он же на таран идти собрался! – понял наконец Феофанов.

– «...За КДВ!!!!» – оглушил всех крик пилота.

Оказывается, раньше он едва-едва шептал себе под нос, и лейтенант Веснушкин вывернул громкость на полную. А вот в этот момент пилот заорал во все горло. И акустический удар получился в рубке настолько мощным, что все присутствующие аж пригнулись.

- Связь потеряна!
 - Двигатель останавливается!
 - Поле гравитации выходит на нормальную мощность!
- Это сообщение было крайним. После него повисла тишина.
- Что там? Что там происходит? – спросил человек с монитора связи.
 - Ничего. Датчики ничего не показывают.

И лишь когда таймер выдал сообщение: «Тридцать одна минута», раздался оглушительный доклад. Оглушительный не по громкости, а по смыслу.

– Есть пинг от маршевых двигателей! Есть пинг реактора! – дальше помещение заполнил звук восторженных криков, аплодисментов и оваций.

Впрочем, ненадолго. Дальше пошла работа в обычном режиме.

– Начинаем высадку на станцию! Откройте доступ на все палубы! Через пятьдесят минут первые партии будут у вас, – прозвучал приказ СИБовского полковника.

– Есть, – козырнул Феофанов.

– А почему сразу нельзя было десант с резаками высадить на станцию? А не ждать таких превозмоганий?! – влез майор Феофанов.

– Не дурнее вас, майор! – резко ответил полковник. – Операция по высадке на станцию десанта начала готовиться еще при живом Кондоре! О готовности доложили три минуты назад. Будут у вас через пятьдесят минут! Вопросы есть?!

– Никак нет, – отвел взгляд Феофанов.

И тут неожиданный доклад отвлек всех от обсуждения этого неприятного вопроса.

– Фиксирую запуск двигателей на «Рапторе восемь»! – прозвучал внезапный доклад, заставивший всех обернуться на говорившего.

– Маршевый двигатель набирает мощность! Фиксирую перегрев! Фиксирую перегрузку всех систем «Раптора восемь»! – И в этот момент пол под ногами дрогнул, оповещая о далеком мощном взрыве.

– Обрыв связи с «Раптором восемь»... Мы его потеряли, товарищ капитан...

– Что с реактором?!

– Реактор не задет. Работает в штатном режиме. Связь устойчивая...

«Черное Солнце»

Глава 14

– ...в итоге пятьдесят три боевика убиты Кашимом. Двенадцать – дежурной сменой станции. Пятеро скончались от полученных ранений. Троим удалось уйти. Живыми взять не удалось никого. Информации по «Черному Солнцу» ноль. Четырнадцать человек личного состава, из них семь кадровых офицеров и семь кадетов, убито при захвате. Потеряно два учебных истребителя. Взрывом разрушен технический коридор с аварийной переборкой. Это из минусов, – отчитывался мужчина в невзрачном костюме с планшетом, стоящий перед дубовым письменным столом. – Из плюсов: Новопитер все еще существует, планетарного масштаба катастрофа предотвращена, станция не расстреляна силами ПКО и вообще почти не пострадала. О чепе в СМИ практически ничего не просочилось. Три матерых наемника, за которыми не первый год наша контора охотится, уничтожены лично Кашимом. За них и награда была назначена... И главный вопрос: как быть с Кашимом?

– Нда уж, есть над чем подумать... – вздохнул мужчина, сидящий за дубовым столом. – По уму бы объявить, что агент Кашим погиб при проведении операции в результате взрыва истребителя, дать пацану новый позывной и закрыть дело...

– Что нам мешает именно так и поступить?

– То, что весь ход операции был записан и задокументирован, со свидетелями и участниками сейчас работают следователи из Центра. Дело взято на контроль лично императором. И уже по предварительным даже результатам вынесено решение о награждении Кашима Звездой Героя, – ответил мужчина, сидящий за дубовым столом.

– Награждение посмертно еще никто не отменял, – пожал плечами мужчина с планшетом.

– Награждать-то будут не безликого Кашима, а вполне конкретного человека. И от нас уже требуют раскрытия его личности для оформления наградного листка. Кашим-то, может, и мертв, а кадет Жестянкин живет всех живых, делает большие глаза и хлопает ресницами на вопросы следователей. И уже внесен во все списки людей, находившихся на станции.

– Можно назвать Кашимом любого другого человека, – пожал плечами мужчина с планшетом. – Просто ткнуть пальцем в любую фамилию из списка...

– Дело на контроле у императора! Рыть будут так, что каждую нитку в резинке от трусов под микроскопом посмотрят. Не прокатит в этот раз «ткнуть пальцем».

– А чем плох вариант с раскрытием реального Кашима?

– Тем, что ему тринадцать лет, он не давал присягу, а еще является ликвидатором и «решил» уже пять «проблем». Причем очень громких и «воняющих» проблем! Нас с вами живьем сожрут за такое сочетание. И это не говоря уже о Л-51, которое, надеюсь, ни при каких условиях не выплывет...

– Да уж, человек-проблема... А может, нет человека – нет проблемы?

– Не тот случай, – вздохнул мужчина за дубовым столом.

– А может... Что если Кашима нет в списке людей, присутствовавших на станции официально?

– Поясни?

– Что если Кашим – глубоко законспирированный агент, внедренный в «Черное Солнце»? И он среди тех троих, кому удалось уйти?

– ...и раскрыть мы его не можем, поскольку он все еще выполняет задачу! Гениально! – закончил мысль подчиненного мужчина за дубовым столом.

– А единственным свидетелем, видевшим Кашима, назначим кадета Жестянкина, – добавил мужчина с планшетом.

– Зачем? – насторожился мужчина за дубовым столом.

– Пора кончать с «Черным Солнцем»... Надоели они мне хуже горькой редьки!

– И ты хочешь пустить утечку и натравить их на Кашима? Радикально.

– Они хотели сбросить орбитальную станцию на Новопитер, – пожал плечами мужчина с планшетом. – Что посеешь, то и пожнешь.

– Хорошо, – пристукнул по подлокотнику кресла мужчина, сидящий за дубовым столом. Он снова вернул присутствие духа, был собран и готов к принятию решений. – Значит, сделаем так: на станции работал специальный агент Кашим. Именно он сорвал теракт. Подробности засекретить: слишком многое там будет не сходиться и может испортить нам всю игру с «Черным Солнцем». Кашим официально для тех, кто был на станции, мертв. Для московских следователей и императора – выполняет задачу в «Черном Солнце», глубоко под прикрытием и раскрыть его личность мы не можем. Пустить утечку, что Кашим продолжает внедрение, а кадет Жестянкин – единственный, кто его видел и остался жив.

– Слушаюсь, – сделал несколько пометок в своем планшете его собеседник.

– А Жестянкина мы все же наградим. Воля императора – закон. Проведем по нашему ведомству, внесем в личное дело Жестянкина под грифом «совершенно секретно». Сам орден вручите лично, вместе со всеми положенными выплатами, как за боевую операцию, так и за Звезду Героя. Ежегодные выплаты оформите на его личный счет. Кстати, заведите его ему. И в Москву отпрапортуем, что награда нашла героя. Думаю, такой вариант их устроит.

– Пожалуй, – согласился мужчина с планшетом. – Сложностей, конечно, будет много, но, думаю, все решаемо. Будем инструктировать Жестянкина по поводу «Черного Солнца»?

– Скажите, что живых брать не обязательно. Остальное на его усмотрение.

– Жестоко...

– Новопитер – мой родной город. Здесь я родился, здесь моя семья живет... Не жестоко – справедливо!

Глава 15

Вечером, как и всегда после отбоя, Леня шел в учебно-полигонный комплекс, где отряд «Скунс» проводил плановые занятия по отработке боя в условиях промзоны города.

Обычно это было весело. Леня и ребята делились на команды, разбирали учебно-имитационное оружие и с шутками-прибаутками, взаимными подколами в эфире отрабатывали бой. Иногда просто играли в войнушку.

Сегодня и намечалась именно такая «войнушка». Леня шел в приподнятом настроении: несмотря на то что кровь он видел неоднократно, как и пускал ее, играть в войну ему нравилось.

Но войдя в комплекс и поприветствовав «скунсов» взмахом руки, мальчик остановился в недоумении. На месте были все двенадцать членов группы. И все они мрачно молчали. Мрачно и молча смотрели на него.

– Привет, ребята, – все же сказал он. – Чего мрачные такие? Умер кто?

– Пока нет, – ответил Шмель (в отряде не назывались имена, использовались исключительно позывные), неформальный лидер отряда.

– Настораживает слово «пока», – заметил Леня.

– Иди сюда, Малек. Разговор есть, – махнул рукой Лапоть.

Мальчик слегка настороженно, но все равно спокойно подошел к стоящим. И подойдя, заметил еще одну странность: ребята были с оружием. Причем с боевым, а не учебно-имитационным.

– Ты на орбитальной станции «Заря один» был? – спросил Говорун.

– Был, – не стал отпираться Леня. Вот только вопрос ему не понравился.

– Что делал?

– Летать учился, – честно признался мальчик, засовывая обе руки в карманы и беспечно пожимая плечами. На лицо его выползла открытая и доброжелательная улыбка. В широко открытых глазах плескалась безмятежность и свет. Весь его вид выражал дурашливость и веселье. Беспечный малыш – ни больше, ни меньше.

– Кого-то знакомого видел там?

– Да, – снова пожал плечами он.

– Кого же? – уточнил Шмель.

– Его, – кивнул на Ромалэ мальчик.

Тот мгновенно спал с лица и начал озираться на товарищей в поисках поддержки. А лица всех присутствующих повернулись к нему.

В этот момент Леня вытащил из кармана активированную светошумовую гранату и бросил под ноги Ромалэ. Эту штуку Жестянкин положил в свой карман сразу после разговора с «серым» человеком по поводу «Черного Солнца».

Граната сработала. Белый яркий свет вспышки на несколько мгновений залил всю комнату, а акустический удар стукнул по ушам, дезориентируя и сбивая с мысли.

Когда свечение погасло, на площадке уже никого не было. Ни Лени, ни «скунсов».

– Малек, сука! – послышался голос Шмеля откуда-то из глубины комплекса. – Значит, «Кашим» – это ты?!

Но ответом ему была лишь тишина. Леня вообще воевал молча, отдавая команды лишь знаками. Исключение составляли лишь операции СКООНа, когда он командовал дюжиной.

– Пацаны! Валите его! – прозвучал снова голос Шмеля. – Он один, нас двенадцать – хана ему!

Вот только этот крик стал последним в его жизни, так как в следующее мгновение в его глаз вонзился метательный нож, направленный уверенной рукой Жестянкина.

Еще секунда, и над телом Шмеля склонился мальчик, подбирая его оружие и обоймы к нему...

* * *

– У нас проблемы, – сказал, входя, мужчина с планшетом.
– Конкретнее! – мгновенно подобрался мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

– Кашим исчез.

– Мы же этого и ожидали, нет?

– Мы ожидали похищения.

– А там что произошло?

– Группа «Скунс» уничтожена. Прямо в тренировочном центре. А еще точнее – в комплексе для отработки боя в условиях промзоны города. Одиннадцать тел, два со следами пыток. На всех телах боевое оружие. И вообще в комплексе следы серьезного боя. Записи боя отсутствуют – следящая аппаратура была отключена еще до начала действий.

– При чем тут Кашим?

– Он исчез в тот же вечер. И до сих пор о нем ни слуху ни духу. Информационный отдел запустил прикрытие (очередной музыкальный конкурс). Но дело в том, что мы не знаем, куда он делся.

– И в чем проблемы? – нахмурился мужчина, сидящий за дубовым письменным столом.

– Я полагаю, что «скунсов» порешил именно Кашим, – выдохнул мужчина с планшетом.

– На чем основано такое предположение?

– Судя по оставшимся следам, эксперты, которые сейчас работают на месте, утверждают, что весь отряд бился с одним человеком. А по следам на трупах (некоторые убиты ножом в упор) делают вывод о небольшом росте и малой физической силе убийцы.

– Допустим, Кашим порешил отряд, с которым до этого больше года тренировался. Что из этого? Слетел с катушек?

– Боюсь, хуже...

– Что может быть хуже?

– То, что он сделал это с нашей с вами санкции...

– То есть вы хотите сказать, что «Скунс» и ЧС...

– Не хочу, но говорю, – вздохнул и вытер пот со лба мужчина, стоящий напротив дубового стола.

– Но целый отряд СИБ не мог действовать сам по себе...

– Следы пыток на телах... И Кашим исчез.

– Да не может такого быть! – ошарашенно откинулся полковник на спинку своего кожаного кресла.

– Вы сказали передать ему, чтобы действовал по обстоятельствам. Я передал.

– Сколько он отсутствует?! – тихо спросил побледневший полковник.

– Вторые сутки идут, – ответил не более румяный подпол.

Тут зазвонил телефонный аппарат на столе. Оба мужчины вздрогнули от этого звука. Полковник дрожащей рукой потянулся поднять трубку. Отдернул ее, как от горячего утюга. Сделал над собой усилие и все же поднял ее.

– Полковник Васин... Слушаю... Принял, – сказал он в трубку – экранчик в этот раз не открывался. Затем опустил трубку обратно на телефонный аппарат.

– Директор СИБ умер, – вмиг севшим голосом сказал он мужчине с планшетом. Того перестали держать ноги. Он отошел к стене и сел на один из стоящих там стульев. – Передозировка снотворного... Двадцать минут назад нашли...

Снова раздался звонок.

– Полковник Васин, слушаю... – ответил на звонок уже не просто бледный, а мертвенно-бледный с зеленым отливом полковник. – Понял вас... Принял... – после чего вновь опустил трубку на аппарат.

Руки его уже не просто дрожали, они тряслись, как у паралитика.

– Полчаса назад взорвался особняк брата императора, великого князя Севастьяна Васильева. Неисправность автоматической фуры, везущей взрывоопасный реагент. Фура выпала из транспортного потока и упала на особняк, протаранив все системы защиты. При ударе о стену особняка реагент детонировал... Завалы разбирают. Найдено уже восемь тел. Живых нет. Опознан сам великий князь и два замдиректора СИБ. Остальных еще не опознали.

Снова зазвонил телефон.

– Полковник Васин, слушаю... Принял...

– Что там? – не выдержал подпол молчания, повисшего после того, как полковник повесил трубку.

– Пять минут назад в СМИ попала запись, где ответственность за теракт взяло на себя «Черное Солнце»...

Глава 16

– ...ужасающий террористический акт, прогремевший в Москве, и волна самоубийств, захлестнувшая верхушку руководства Службы имперской безопасности на прошлой неделе – остаются главными новостями на этот час. К этому моменту число жертв теракта достигло пятнадцати человек. Разбор завалов на месте особняка брата императора великого князя Севастьяна Васильева продолжается. Число «самураев», как уже окрестили покончивших жизнь самоубийством чиновников СИБ, достигло восемнадцати. Среди них практически вся верхушка Службы. Имена и должности держатся в секрете, но уже точно известно, что это директор СИБ, его первый заместитель, региональный координатор Центрального округа и три его зама... – вещала с экрана монитора миловидная дикторша новостного канала.

– Эффект толпы... – задумчиво проговорил Леонид, рассматривающий врученную ему за освобождение «Зари-1» Звезду Героя. – Я ведь «самоубил» всего семерых... Остальные сами потянулись, как бараны за козлом... Занимательно, – поворачивая орден на свет и играя бликами, рассуждал мальчик. – Надо запомнить... Вдруг когда еще пригодится?

Сидел он в раздевалке спортивно-тренировочного комплекса СКООН и ждал «серого» человека, одновременно надеясь и опасаясь, что и того тоже захлестнула «самурайская» болезнь.

Но нет. СИБовец все же появился. Мальчик убрал орден в коробочку и спрятал в карман.

– Здравствуй, Сергей Сергеевич, – встал он и поприветствовал вошедшего.

– Здравствуй, Леонид, – протянул руку для пожатия СИБовец. – Рассказывай, что ты тут устроил.

– Выполнил ваше указание – действовал по обстоятельствам, – ответил на рукопожатие мальчик и беспечно пожал плечами.

– Давай сначала, – вздохнул «серый» человек. Причем серым он был сегодня буквально. По цвету лица. Было заметно, что прошедшие дни дались ему очень и очень нелегко. И по некоторым реакциям можно было понять, что мужик под действием сильных успокоительных препаратов.

– Как всегда, пришел к «скупсам» поиграть в войнушку с эмэмгэшками. А у них у всех стволы боевые. Мрачные все. И вопросы задают про «Зарю-1». Я «шумку» бросил – и в укрытие... Ну, и поиграли... в «войнушку». У двоих крайних я про ЧС поспрашивал. Говорун, к сожалению, сбежал.

– Об этом мы и сами догадались. Дальше-то что? При чем тут брат императора?

– А он и был основателем ЧС. Точнее, одним из них. Вторым был директор СИБ. Третьим военный министр – его еще пока не опознали среди тел, извлеченных из-под завалов...

– А остальные? Зачем было вырезать всю верхушку СИБ?

– А это не я! Честно-честно, не я! – захлопал глазами мальчик. – Я только семерых первых – тех, кто в деле был. Остальные сами... Правда, не я!

– Дурдом, – вздохнул «серый» человек. Был бы он не под успокоительными, эмоций было бы куда больше. – А сообщение ЧС в СМИ?

– На компьютере у директора нашел заготовку. Не пропадать же?

– На компьютере? Ты залез в его компьютер?

– Ну да, – пожал плечами мальчик и улыбнулся. – Должен же я был узнать, кто еще в теме. Кого «самураем» назначать...

– Никак не привыкну к тому, как легко ты говоришь об убийствах и смерти, – снова вздохнул «серый» человек.

– А что такого-то? Умирать ведь так же естественно, как дышать, как кушать, как ходить в туалет. А если естественно умирать, то так же естественно и убивать... Вы же не стесняетесь

того, что дышите? Или того, что едите мясо? А ведь мясо – это убитое животное. Его убили для вас. Значит, вы его «заказали». Значит, соучаствовали в его убийстве. Так почему убивать лично – неправильно? – рассуждал мальчик, искренне не понимающий, насколько кошмарные вещи для нормального человека он говорит. – Не понимаю я этого двуличия. Я вообще многого не понимаю.

– Например?

– Почему есть дворяне и «простые люди»? Чем великий князь отличается от простого бандита? Умирают-то они одинаково. Я проверял. И смерти боятся одинаково...

– А еще? – передернуло СИБовца от таких откровений, даже несмотря на успокоительные.

– Зачем мы живем? Почему существуют мужчины и женщины? Почему мужчин тянет к женщинам? Что такое любовь? Почему родители бросают своих детей и уходят?

– Не знаю, Кашим, – признался «серый» человек. – Не задумывался над этим. Это для меня слишком сложные вопросы. Я – практик. А с этим нужно к философам.

– Философам? Ницше, Макиавелли, Аристотель, Диоген, Сунь Цзы, Конфуций, Лао-Цзы? Я читал их.

– Тогда ты лучше меня должен знать ответы на эти вопросы, – свернул тему «серый» человек. – Забудь все, что ты сделал в эти дни. Не знаешь ты ничего, ни про «Черное Солнце», ни про «самураев», ни про великого князя, ни про «скупцов». Вообще в Москве не был. Понял?

– Говоруна не искать, значит? – уточнил Ленья.

– Нет. Его другие люди найдут. Ты теперь просто кадет Жестянкин. Агент Кашим погиб, пытаясь предотвратить московский теракт. Объект тринадцать погиб еще раньше – полтора года назад.

– Я понял вас, Сергей Сергеевич, – вздохнул Ленья. – К операциям СКООН, получается, меня привлекать больше не будут?

– Нет, – покачал головой «серый» человек. – Слишком большое осиное гнездо ты разворошил, Леонид. Слишком опасно теперь отсвечивать. СКООН переводится обратно в Свердловск. Так что у тебя теперь будет много свободного времени, чтобы читать философов и искать ответы на свои вопросы.

– А отдельные операции? Будут?

– А ты хочешь?

– Хочу, – кивнул мальчик. – Это весело.

– Иногда...

* * *

– Что у нас в результате? – спросил осунувшийся, со следами хронического недосыпа и использования стимулирующих препаратов на лице мужчина в невзрачном костюме, устало откинувшийся на спинку своего кожаного кресла.

– Не так уж все и плохо, – вздохнул такой же уставший и осунувшийся мужчина с планшетом, сидящий на стуле по другую сторону дубового письменного стола.

– Покончили с собой в общей сложности тридцать четыре чиновника СИБ. Вся верхушка подчистую, как корова языком слизала.

– Вот ведь пустили козла в огород...

– Самое интересное, что Кашим устранил всего семерых. И он уже неделю как в своем училище здесь в Новопитере. Там реальные самоубийцы!

– А еще подсиживание и сведение старых счетов... Знакомо.

– В связи с таким жесточайшим бардаком, который у них там творится, расследование зашло в тупик... Ну и Кашим, как всегда, сработал чисто, следов не оставил.

- Говорили с ним? – уточнил первый мужчина.
- Да. Все, что вы велели, довел. Но...
- Что «но»?
- Он просит не оставлять его без «отдельных заданий».
- Просит? Зачем ему это? Деньги нужны?
- Нет. Он... Он вообще странный. Правда, только когда пообщаешься с ним подольше.

Так-то мальчик как мальчик, пока не приоткроется немного.

- Да? И какой он на самом деле?
- Ангел Смерти, если коротко. Идеальный хищник. Для него убивать так же естественно, как дышать. И при этом все еще совершеннейший ребенок. Наивный и пытливый, любознательный, жестокий... Аж дрожь берет.

- И он сам хочет продолжать работать ликвидатором?

- Да. Хочет.

- А может, его самого ликвидировать? Опаснейший же свидетель. Притом единственный.

- Товарищ полковник, – прямо посмотрел мужчина в глаза начальнику, отложив планшет в сторону, – я тогда в отставку уйду и в бега подамся.

- Трусись?

- Вы просто не общались с ним лично.

- Все смертны, – пожал плечами первый мужчина. – И он смертен.

- Смертен, – согласился второй мужчина. – Но у нас будет всего одна попытка. И не дай бог снайпер промахнется! Напомню: он убрал директора СИБ и еще шестерых начальников меньше чем за неделю. Практически без подготовки. Думаете, у нас будет шанс?

- Что ж, раз так, то так, – пожал плечами первый мужчина. – Будут ему «отдельные задания». Вы свободны.

- Слушаюсь, – встал со стула и покинул кабинет мужчина с планшетом.

- Не единственный Кашим свидетель, не единственный, – тихо пробормотал себе под нос оставшийся в одиночестве мужчина. Он достал из кармана коммуникатор и набрал некий номер, предварительно включив шифрование канала связи на устройстве, благо его коммуникатор имел такую функцию.

- Дориан? Есть работа... Семенов Сергей Сергеевич, подполковник СИБ, должен стать еще одним «самураем»... Сегодня... И вторая цель: кадет Жестянкин Леонид Васильевич 2415 года рождения, информацию по целям и фото высылаю... Сразу после первой цели...

- Полковник завершил вызов.

- Не клади все яйца в одну корзину... Я принимаю вашу отставку, Сергей Сергеевич, – пробормотал мужчина, доставая и закуривая сигарету. – Не промахнется снайпер... Не промахнется...

По коридору, от кабинета начальника шел невзрачный усталый мужчина, подполковник СИБ Семенов Сергей Сергеевич. Он сунул руку в карман и достал старенький, классический кнопочный мобильник. Пощелкал кнопками, на ходу, выбирая нужный номер, и приложил аппарат к уху.

- Леонид? Есть работа...

Глава 17

Леня вышел из кабинета и аккуратно притворил за собой дверь. Минуту назад региональный координатор планеты Терра полковник Васин Василий Дмитриевич покончил с собой, застрелившись из своего табельного оружия. Об этом стоило сообщить «серому» человеку, давшему это задание. И мальчик собирался именно это и сделать. Он достал свой коммуникатор и набрал нужный номер. Мелодия звонка, не раз слышанная Леонидом раньше, раздалась из-за соседней двери, мимо которой мальчик как раз и проходил.

Леня подумал: а почему нет? И постучался в эту дверь. Не дожидаясь ответа, взялся за ручку и повернул ее, открывая. Картина, открывшаяся взору в кабинете, дверь которого отворил Леонид, была знакома. Даже слишком хорошо знакома: подполковник Семенов лежал головой на своем письменном столе. В правой руке у него покоился табельный ЛПН. В голове зияла дыра, прожженная именно этим оружием. А в кармане трупа звонил мобильный телефон.

Мальчик осторожно подошел к телу своего куратора и достал из кармана пиликающий мобильник. Единственный и последний след, ведущий от СИБа к нему. Последняя ниточка... Толщиной со швартовочный канат.

Мобильник – это островок государства в вашем кармане: история вызовов, коротких сообщений, паспортные данные владельца, возможность отслеживания интернет-трафика, отслеживание местоположения с точностью до нескольких метров в любой момент времени, не говоря уже о прослушке разговоров... И это лишь самые явные возможности государства по контролю за своими гражданами. Причем граждане носят с собой этого шпиона совершенно добровольно, даже догадываясь если не о всех, то о половине его шпионских функций точно.

Леня набрал малоизвестную служебную команду на аппарате, и на экране высветились данные владельца. И это был совершенно не Семенов Сергей Сергеевич.

Что ж, практика покупки ворованных телефонов для звонков, которые не стоит афишировать, существует столько же, сколько и сами телефоны.

И это немного упрощает ситуацию. Официальный телефон эсбэшника проверяют обязательно. А до этого могут и не добраться. Особенно если стереть на нем свой номер из записной книжки, а сам аппарат выбросить куда-нибудь в реку. В местечко поглубже, предварительно нарушив герметичность корпуса.

* * *

Мальчик стоял посреди чьей-то квартиры у открытого окна, выходящего на улицу рядом с его училищем. Под ногами у него лежал труп. Возле трупа снайперская винтовка. Мальчик смотрел историю вызовов на телефоне незадачливого киллера. Последним был номер уже неделю как покойного полковника Васина. На аппарате самого полковника этот номер тоже был последним вызовом. Леонид не поленился это проверить, выполняя заказ Семенова.

Получается... все?

Получается, он теперь свободен?

Базу СИБ по своим параметрам он проверил не раз, что с компьютеров московских боссов этой службы, что с компьютера регионального куратора Терры. И Семенов, ныне покойный, не врал – «объект-13» мертв, Кашим мертв, Жестянкин Леонид Васильевич награжден Звездой Героя России «За особые заслуги перед Отечеством», и все. Никаких подробностей.

Все... Оба человека, что знали о нем, мертвы. Это значит, что все – свободен, словно ветер. Теперь он снова обычный среднестатистический мальчишка тринадцати лет, обучающийся в Кадетском училище под опекой государства до совершеннолетия.

Тринадцатый снова остался единственным выжившим... Пора бы уже привыкнуть, наверное.

Осталось теперь только почистить гаджет киллера от данных о себе, как уже почистил гаджеты Васина, с которых, собственно, и узнал, что заказан. А просчитать действия другого убийцы было несложно. Леонид сыграл с ним в игру на жизнь. И выиграл. А киллер проиграл. Все просто, как выстрел в затылок, оборвавший жизнь убийцы.

* * *

Конец первой арки.

Ангел

Глава 18

Юноша семнадцати лет от роду, с темными волосами, подстриженными по-военному, одетый в светло-зеленую рубашку с коротким рукавом и такого же цвета легкие брюки, с подбранной в тон обувью и носками, стоял спиной к воротам Имени Его светлости князя Александра Федоровича Вертынского у Кадетского училища связи в городе Новопитере на планете Терра. В руке он держал спортивную сумку с вещами. На губах его играла легкая улыбка.

Юноша был невысок, но красив, статен, ладно, пропорционально сложен и имел явную военную выправку.

Звали юношу Леонидом. И его только что выгнали из этого самого училища. С выпускного курса. Без диплома. Личным распоряжением начальника училища.

И сейчас он был свободен. По-настоящему свободен. Независим (опека государства закончилась в шестнадцать, с получением паспорта) и никому не нужен. Не интересен.

Перед ним расстился целый огромный мир, в котором он до сих пор очень многого не понимал. И сейчас он не знал, что делать. Чем заняться. Куда пойти. Но его это не беспокоило. Он дышал свежим весенним воздухом и улыбался небу. Приняв какое-то решение, Леонид двинулся вдоль по улице, прочь от ворот.

На самом деле, его уже несколько месяцев ничего уже не держало в этих стенах – умер дядя Паша, тот самый инструктор по физподготовке, что показал однажды ночью детдомовцу Леньке Отмору загадочное и завораживающее тайцзицюань. Он просто не проснулся очередным утром. Тихо и мирно. А больше... А больше ничто в этом месте Жестянкина не удерживало. Не диплом же ему, в самом-то деле, выслуживать? Юноша двигался размеренным легким шагом, набросив сумку с вещами на плечо. Он никуда не спешил. Он наслаждался солнечным днем.

Где-то минут через двадцать он дошел до парка и присел на лавочку, опустив сумку рядом с собой.

Лавочка была не пуста. На другом ее конце расположилась девушка, читающая что-то на своем планшете. На девушке было легкое белое платье в горошек и белые туфельки-босоножки. Рядом с ней на скамейке лежала белая сумочка.

– Девушка, а как вас зовут? – обратился юноша к ней. Без особых изысков, без поиска поводов. Просто и прямо.

– Анна, – смерив юношу взглядом, вынужденно оторванным от планшета, ответила девушка.

Юноша был симпатичный и не вызывал отторжения.

– А меня Леонид, – белозубо улыбнулся он. – Будем знакомы! А, если не секрет, что вы делаете?

– Готовлюсь к вступительным экзаменам в институт, – ответила Анна.

– А в какой, если не секрет? – спросил он, при этом выглядел искренне заинтересованным. Или, возможно, именно таким и был?

– В Политехнический, на автоматизацию химических производств, – призналась девушка.

– Сложно, наверное?

– Четыре человека на место, – с ноткой гордости ответила она.

– А предметы какие сдавать? – продолжал допытываться юноша, представившийся Леонидом.

- Стандартно: математику, физику, русский, информатику.
- А где занятия проходить будут? В главном корпусе или по всему городу мотаться придется?
- Не знаю пока, – пожала плечами она. – Еще поступить надо для начала.
- А ты местная, из Новопитера? – вдруг задал слегка невежливый вопрос юноша.
- Нет, – чуть смутилась девушка. – Я из области. Из Сорска.
- Сорск... – ненадолго призадумался юноша. – Это на юго-западе, да?
- Да, – ответила девушка. – Километрах в пятидесяти.
- Далековато, если каждый день добираться до учебы, – задумался юноша.
- А я квартиру тут недалеко снимаю, – ответила она. – Двухкомнатную. Дороговато выходит, но думаю, ближе к началу учебы найду соседку, чтобы на двоих снимать – так дешевле будет.
- Снимать квартиру? Как это? – удивился юноша.
- Казалось, что он и в самом деле удивлен.
- Ну, – даже немного растерялась Анна, – это когда владелец квартиры за деньги разрешает тебе жить в ней.
- То есть он живет в квартире вместе с тобой? – удивился юноша.
- Есть, конечно, и такой вариант, – ответила она. – Но чаще всего хозяин просто владеет квартирой, сам же живет в каком-то другом месте, время от времени навещая и проверяя, все ли в порядке.
- Какая интересная система, – заметил юноша. – А дорого это?
- Не очень, – отозвалась девушка. – А ты что, правда никогда раньше не слышал о таком?
- Нет, – беззащитно улыбнулся он. – Я раньше в казарме жил, – и, видя непонимание, пояснил: – В Кадетском училище. А до этого в детдоме, так что не задумывался как-то. Крыша над головой всегда была.
- А сейчас?
- Выгнали, – виновато развел руками он, продолжая светло улыбаться. – Меньше часа назад, – уточнил он, глянув на наручные часы.
- И как же ты теперь? – в голосе девушки прорезались нотки сочувствия.
- Не знаю, – еще светлее улыбнулся юноша. – Руки-ноги, голова есть, придумаю что-нибудь. Может, квартиру сниму, как ты сказала. Как, кстати, это делают?
- В Интернете объявления смотрят, созваниваются с хозяевами. Если цена и условия подходят, то платишь деньги и живешь.
- Значит, так и сделаю, – улыбнулся он.
- Но это может несколько дней занять. Тебе переночевать-то есть где?
- Не думал пока, – честно признался юноша.
- Может, тогда у меня переночуешь? – предложила девушка, затем поняла, что предложила, и сама же смутилась, но на попятную идти было поздно. – Комната вторая пустует.
- Если это не доставит тебе неудобств и неприятностей, – пожал плечами юноша.
- Не доставит, – порозовела девушка.
- Сердце ее против воли забилося немного чаще. Почему-то ситуация начала ее волновать, хотя ничего предосудительного они друг другу не предложили и не сказали.
- А то вот начальник училища застал меня со своей дочкой одних в раздевалке спорт-комплекса. Бучу поднял. Сашке влетело, я из училища вылетел. Не хочу неприятностей доставить еще и тебе.
- Сашке? – удивилась Анна, услышав мужское имя.
- Александре, – уточнил юноша. – Мы с ней дружим давно, вот я и привык ее по-простому называть. Забыл, что это может быть понято неправильно.
- А было за что «влететь»? – не зная даже почему, заинтересовалась девушка.

– Да нет вроде, – пожал плечами он. – Там бассейн был неисправный. Я как-то со скуки починил его. Вот мы и хотели искупаться, проверить. Тут входит полковник Сомов с какой-то комиссией очередной, а мы такие стоим, Сашка в верхе от купальника и юбке, а я без кителя и рубашки, штаны расстегиваю... Кричать при посторонних не стал, но через три часа я уже форму на склад сдавал и обходной лист подписывал.

– Сурово, – почему-то Анна, услышав это, испытала иррациональное облегчение.

– Да ладно, – отмахнулся Леонид. – Мы с ним и так на ножах были, еще с поступления, так что ничего удивительного. А сколько ты платишь за квартиру?

– Восемьдесят пять рублей в месяц, – ответила девушка.

– Всего-то? – удивился юноша.

– Да нет. За двушку это нормальная цена. На двоих, думаю, по сорок два поделим – вообще хорошо будет.

– А может, я тогда с тобой вместе снимать буду? – вдруг загорелся юноша. – Или тебе нужна именно «соседка» принципиально? Ты скажи, я пойму.

– Да как-то... Почему бы и нет? Тебе далеко за вещами идти?

– У меня все с собой, – приподнял свою спортивную сумку парень.

– Так мало? – ужаснулась девушка.

– Уж что осталось, после того, как все казенное имущество на склады посдавал, – пожал плечами он. – Я ж кадетом был, им много вещей уставом не положено.

– Ну, пошли тогда, – вспрыгнула с лавки Анна.

Глава 19

Юноша был странный. Этот вывод для себя сделала Анна после первого дня общения. Слишком светлый, слишком открытый, слишком счастливый, слишком беззаботный. Он, как ребенок, радовался буквально всему: хорошей погоде, весеннему солнышку, прохладному ветерку, мороженому, которое он сам же и купил для них двоих, поездке на сделанном под старину трамвае, походу в кино, куда они все же пошли по купленным им же билетам сразу после того, как Леонид оставил вещи в теперь уже своей комнате; самой комнате, дивану, стоящему в ней, окну, виду из окна, двери и особенно защелке на этой двери, словно его из тюрьмы выпустили, а не из училища выгнали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.